2584
П. 845

Процессъ Чинскаго.

Подавленіе воли путемъ гипнотическаго внушенія съ послѣдующимъ фиктивнымъ вѣнчаніемъ и подлогомъ брачнаго свидѣтельства.

Библіотека Московскаго Купеческаго Собранія

(Переводъ съ нѣмецкаго).

враля. Въ то же время Чинскій поѣхалъ въ Вѣну и тамъ уговорилъ стараго своего знакомаго Станислава Вартальскаго прибыть въ Мюнхенъ и, разыгравъ роль протестантскаго священника, совершить обрядъ вѣнчанія. При этомъ онъ обѣщалъ Вартальскому предоставить ему хорошее мѣсто въ имѣніяхъ будущей жены, якобы съ согласія послѣдней. Вслѣдствіе этого Вартальскій 7 февраля 1894 года прибылъ въ Мюнхенъ и былъ встрѣченъ на вокзалѣ Чинскимъ. На слѣдующій день послѣдній представилъ Вартальскаго баронессѣ Цедлицъ въ гостинницѣ „Europäischer Hof" подъ фамиліей доктора теологіи Вертеманъ, а 8 февраля въ одной изъ комнатъ вышеупомянутой гостинницы былъ совершенъ обрядъ вѣнчанія. Мнимый докторъ Вертеманъ облачился въ одѣяніе пастора; на столѣ, предъ которымъ преклонили колѣни брачущіеся, стояли распятіе и два канделябра и лежала привезенная изъ Вѣны книга протестантскихъ церковныхъ обрядовъ. Вартальскій прочелъ заранѣе написанную имъ проповѣдь, предложилъ обычные при вѣнчаніи вопросы, на которые послѣдовали утвердительные отвѣты, обмѣнялъ брачущимся кольца и благословилъ ихъ. Въ качествѣ свидѣтелей присутствовали придворный золотыхъ дѣлъ мастеръ Павелъ Меркъ изъ Мюнхена, компаніонка баронессы Елизавета Рудольфъ и камеристка. Вартальскій пользовался при этомъ установленной для Зальцбургскаго архіепископства формой брачныхъ свидѣтельствъ и предложилъ ее всѣмъ для подписи; въ документѣ этомъ слово „католической" было вычеркнуто и замѣнено словами „Аугсбургское вѣроисповѣданіе"; документъ носитъ штемпель „Пасторатъ Грюнденвальдъ" и надъ обоими штемпелями надписаны

слова: „В. Интерлаккенъ“. Во время завтрака Вартальскій произнесъ тостъ за здравіе „герцога и его супруги“, а Чинскій показалъ баронессѣ телеграмму, содержащую, по его словамъ, поздравленіе отъ австрійскаго министра графа Кальнокя.

Какъ только отецъ и братъ баронессы Цедлицъ,— послѣдній служилъ въ департаментѣ Герольдіи въ Берлинѣ,—узнали объ этомъ бракѣ, они немедленно увѣдомили объ этомъ полицію и 16 февраля, т. е. 8 дней послѣ „свадьбы“, обвиняемый былъ арестованъ на площади Карла комиссарами Шмидомъ и Лорцемъ. Съ тѣхъ поръ Чинскій отбывалъ предварительное заключеніе въ тюрьмѣ на Баадерштрассе. Хотя баронесса Цедлицъ знаетъ, что Чинскій обманывалъ ее своими сказками о „политическихъ соображеніяхъ“ и фиктивнымъ вѣнчаніемъ, тѣмъ не менѣе она и до сихъ поръ „до судебнаго засѣданія“ утверждаетъ, что она сохранитъ ему свою любовь, что она нашла въ немъ хорошіе задатки и должна спасти его душу. Убѣжденія ея не были поколеблены даже письмомъ брата обвиняемаго, въ которомъ вся эта исторія со свадьбой представляется лишь спекуляціей на ея состояніе.

Обвиненіе, которое подсудимый энергично оспариваетъ, предъявлено къ Чинскому въ томъ, что онъ, во 1-хъ, дѣйствуя гипнотизмомъ и внушеніемъ, привелъ баронессу Цедлицъ въ состояніе безволія, въ которомъ она, помимо своей воли, подчинилась его желанію, и что онъ воспользовался ею въ такомъ состояніи (преступленіе противъ нравственности, § 176 пп. 2 des R=St=G=B.); въ 2-хъ, что обѣщаніями имущественныхъ выгодъ онъ склонилъ Вартальскаго къ учиненію дѣйствій, могущихъ быть совершенными только оффиціальнымъ должност-

нымъ лицомъ (подстрекательство къ преступленію противъ порядка управленія § 132 R—St—G—B.), и, въ 3-хъ, что онъ съ корыстною цѣлью передалъ подложное брачное свидѣтельство брату баронессы, чтобы доказать законность брака и тѣмъ пріобрѣсть имущественныя выгоды, которыя ему гарантировало бы дальнѣйшее сожительство съ очень состоятельной баронессой Цедлицъ (подлогъ по § 267, 268, R—St—G—B.).

Въ качествѣ свидѣтелей вызываются: сама баронесса Цедлицъ, ея братъ, ея компаньонка, придворный золотыхъ дѣлъ мастеръ Меркъ, фиктивный пасторъ Вартальскій, комиссаръ Лорцъ и другіе. Составъ суда: предсѣдатель Арнольдъ, члены суда Шпейдгуберъ и Грязмайеръ. Обвиняетъ прокуроръ Малеръ, защищаетъ присяжный повѣренный Бернштейнъ. Со стороны обвиненія въ качествѣ экспертовъ приглашены докторъ Граше́й и докторъ баронъ фонъ Шренкъ-Нотцингъ; со стороны защиты приглашены эксперты: гг. профессора докторъ Э. Дюбуа-Реймонъ и Іолли (Берлинъ) и Бинзвангеръ (Іена), которые, однако, не могли явиться; въ виду этого защита пригласила гг. профессоровъ доктора Фукса (изъ Бонны), профессора Гирта (Бреславль) и профессора Прейера (Висбаденъ). Судебное засѣданіе происходитъ при закрытыхъ дверяхъ съ допущеніемъ, однако, представителей прессы. Такъ какъ обвиняемый объясняется на ломаномъ нѣмецкомъ языкѣ, то приводятся къ присягѣ два переводчика.

1-й день процесса.

Обвиняемый средняго роста, худощавъ, съ густыми черными волосами и бородой и рѣзко выраженнымъ польскимъ типомъ, чрезвычайно элегантно одѣтый появляется въ залѣ суда. По его настоянію передъ нимъ ставится столъ, на которомъ онъ располагаетъ свои бумаги. Онъ показываетъ, что его зовутъ Чеславомъ-фонъ-Любичъ-Чинскимъ, протестантскаго вѣроисповѣданія, 36 лѣтъ отъ роду, сынъ помѣщиковъ, подъ судомъ и слѣдствіемъ не состоялъ. Онъ не учитель языковъ, какъ это сказано въ обвинительномъ актѣ, но до 1889 г. былъ учителемъ при гимназіи и реальномъ училищѣ въ Краковѣ и, въ качествѣ таковаго, былъ экспертомъ въ Краковскомъ окружномъ судѣ. Послѣ 1889 г. онъ предпринималъ рядъ путешествій съ научною цѣлью на Востокъ, въ Россію, Азію и Африку и, наконецъ, занимался у профессора Люиса въ Парижѣ, что дало ему возможность устроить въ 1892 году въ Дрезденѣ двѣ клиники, одну для мужчинъ, другую для женщинъ.

По прочтеніи обвинительнаго акта, прокуроръ Малеръ предлагаетъ слушать дѣло при закрытыхъ дверяхъ или, по крайней мѣрѣ, закрыть двери на время показаній свидѣтельницы баронессы

Цедлицъ въ виду соображеній нравственнаго свойства. Далѣе онъ предлагаетъ суду постановить опредѣленіе о томъ, чтобы подсудимый былъ удаленъ изъ зала суда на время допроса баронессы Цедлицъ, чтобы устранить возможность его вліянія на свидѣтельницу.

Защитникъ присяжный повѣренный Бериштейнъ возражаетъ противъ этого предложенія; въ случаѣ же принятія этого предложенія, онъ проситъ пригласить казеннаго стенографа для стенографированія каждаго слова, сказаннаго баронессой, и дословной передачи обвиняемому всѣхъ ея показаній.

Предсѣдатель Арнольдъ обращается къ экспертамъ съ вопросомъ, не усматриваютъ ли они опасности для правдивости показаній баронессы, если Чинскій будетъ присутствовать при ея допросѣ. Профессоръ докторъ Граше заявляетъ, что, насколько онъ знаетъ баронессу, присутствіе Чинскаго не повліяетъ на нее въ смыслѣ показаній неправды; возможно, однако, что она воздержится въ его присутствіи отъ нѣкоторыхъ показаній, въ виду его вліяній на нее и въ виду неловкости ея положенія. Докторъ баронъ-фонъ-Шренкъ-Нотцингъ присоединяется къ этому мнѣнію и полагаетъ, что эксперты должны высказаться въ томъ смыслѣ, чтобы свидѣтельница была допрошена въ отсутствіи обвиняемаго. Съ этими мнѣніями согласились профессоръ Фуксъ (изъ Бонны) и профессоръ Прейеръ (Висбаденъ), при чемъ послѣдній добавилъ, что для него лично было бы крайне важно выслушать свидѣтельницу сперва въ отсутствіи Чинскаго, а затѣмъ дать имъ очную ставку. Профессоръ докторъ Гиртъ (изъ Бреславля) находитъ желательнымъ допросить свидѣтельницу какъ въ присутствіи, такъ и въ отсут-

ствіи обвиняемаго, такъ какъ только такимъ путемъ онъ можетъ убѣдиться въ существованіи внушенія.

Судъ опредѣляетъ: во-1-хъ, допросить баронессу сперва въ отсутствіи обвиняемаго и отклонить ходатайство защиты о приглашеніи стенографа, такъ какъ допросъ впослѣдствіи будетъ повторенъ въ присутствіи обвиняемаго; во-2-хъ, заслушать дѣло при закрытыхъ дверяхъ съ момента допроса свидѣтелей до провозглашенія приговора, допустивъ въ залу засѣданія лишь чиновъ судебнаго вѣдомства и представителей прессы.

При допросѣ до перваго перерыва Чинскій, выступая очень энергично, извиняется въ плохомъ знаніи нѣмецкаго языка и просить полной свободы слова, такъ какъ онъ хочетъ раскрыть такіе факты, которые вызовутъ удивленіе суда и даже общественное негодованіе. Далѣе онъ проситъ разрѣшенія воспользоваться составленной имъ въ тюрьмѣ защитительной запиской на французскомъ языкѣ. Онъ утверждаетъ, что все обвиненіе держится на безчестномъ и подломъ оговорѣ барона фонъ-Цедлицъ. (Предсѣдатель запрещаетъ употребленіе бранныхъ словъ и просить подсудимаго быть болѣе разборчивымъ въ своихъ выраженіяхъ). Этотъ „субъектъ" и его отецъ, говоритъ Чинскій, своимъ доносомъ довели его до тюрьмы, а угрозами и вымогательствомъ хотѣли завладѣть состояніемъ дочери. „Арестантское отдѣленіе для Чинскаго", „домъ для умалишенныхъ для тебя, если ты намъ не откажешь своего состоянія!"—такъ угрожали они. Этимъ доносомъ они ввели въ заблужденіе прокуратуру и вотъ онъ сидитъ въ предварительномъ заключеніи уже 10 мѣсяцевъ. Профессоръ Грашей угадалъ, по словамъ Чинскаго, весь этотъ планъ барона, кон-

статировалъ психическое здоровье баронессы и такимъ образомъ парализовалъ всѣ интриги г. фонъ-Цедлицъ. Онъ, Чинскій, на колѣнях и со слезами на глазах благодарить профессора Грашея за такое благодѣяніе.

Свое знакомство съ баронессой обвиняемый описываетъ слѣдующимъ образомъ: „Приблизительно 12 августа минувшаго года она пришла ко мнѣ съ отзывами о моихъ рефератахъ въ дрезденскомъ журналѣ и обратилась комнѣ съ нѣкоторыми вопросами".

Профессоръ докторъ Гиртъ возбуждаетъ вопросъ о научномъ образованіи подсудимаго. По этому вопросу Чинскій даетъ слѣдующее показаніе: я былъ учителемъ при гимназіи въ Краковѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ присяжнымъ экспертомъ при Краковскомъ окружномъ судѣ. Прежде я былъ слушателемъ философскаго факультета Краковскаго университета и тамъ же изучалъ медицину. Очень много занимался гипнотизмомъ и написалъ по этому вопросу нѣсколько сочиненій. Въ 1892 году я пріѣхалъ въ Парижъ и посѣщалъ клинику при Шариттэ, въ удостовѣреніе чего мнѣ выдано свидѣтельство, подтверждающее, что я былъ выдающимся вольнослушателемъ медицинскаго факультета. Господинъ прокуроръ употребилъ 10 мѣсяцевъ на то, чтобы убѣдиться въ подлинности этого документа; тѣмъ не менѣе я не дипломированный врачъ. Принимая во вниманіе мои труды въ области гипнотизма, римская академія удостоила меня докторскаго диплома honoris causa. Въ медицинскомъ обществѣ въ Константинополѣ я читалъ рефераты по гипнотизму; кромѣ того я издалъ 22 брошюры и т. д.; наконецъ, я имѣю аттестатъ зрѣлости реальнаго училища въ Краковѣ.

Прочитывается свидѣтельство 1887 г., на основаніи котораго Чинскій допускается къ преподаванію французскаго языка при гимназіи въ Краковѣ. Во всякомъ случаѣ это свидѣтельство не доказываетъ общаго научнаго образованія Чинскаго. Далѣе послѣдній докладываетъ, что онъ принималъ участіе въ конференціяхъ спеціалистовъ въ различныхъ городахъ Германіи и за границей, какъ, напримѣръ, въ Бухарестѣ, Аѳинахъ, Петербургѣ, Варшавѣ и т. д. Медицинскія общества въ Константинополѣ и Аѳинахъ приглашали его для чтенія рефератовъ о гипнотизмѣ. Онъ числится членомъ парижской „Société des études esotériques", президентомъ которой состоитъ докторъ Энкоссъ (псевдонимъ Папюсъ). Доктору барону фонъ-Шренку должно быть извѣстно существованіе этого общества. Послѣдній отрицаетъ это и говоритъ, что это, вѣроятно, общество диллетантовъ. Чинскій ссылается также на опредѣленіе суда въ Познани, признавшаго за нимъ право на докторское званіе въ Германіи.

Далѣе Чинскій даетъ показаніе о своемъ леченіи баронессы Цедлицъ. Онъ примѣнялъ къ ней изученный имъ въ Парижѣ методъ леченія отъ головной боли, но онъ рѣшительно отрицаетъ, что баронесса приводилась при этомъ въ гипнотическое состояніе. На вопросъ доктора Шренка онъ отвѣчаетъ, что онъ при этомъ не клалъ руки на животъ паціентки и послѣдняя не находилась при этомъ въ лежачемъ положеніи, а сидѣла на стулѣ. Докторъ Шренкъ: Развѣ вы не проводили рукой по животу паціентки? Чинскій: Это былъ простой массажъ! Д-ръ Шренкъ: Существуетъ большая разница между магнетическими пріемами и массажемъ. — Чинскій: Я хотѣлъ бы спросить

эксперта, что онъ подразумѣваетъ подъ словомъ „магнетическій"?—Д-ръ Шренкъ: Я подразумѣваю подъ этимъ словомъ леченіе посредствомъ наложенія руки и месмерическими движеніями!—Чинскій: „Такихъ я не знаю" *).—Д-ръ Шренкъ: „Слѣдовательно, установлено, что часть леченія состояла въ физическомъ соприкосновеніи подсудимаго съ паціенткой".—Чинскій: „Да вѣдь это ясно какъ день, что внѣшнее пользованіе невозможно безъ соприкосновенія". На соотвѣтствующій вопросъ доктора Шренка Чинскій отвѣчаетъ: сеансы продолжались минуту, ½ минуты, ¼ минуты. Внѣшнее пользованіе имѣло мѣсто только въ трехъ случаяхъ,—въ августѣ или сентябрѣ, причемъ всегда присутствовала въ качествѣ медіума г-жа Вѣцинская, которая должна была держать руки паціентки. Держаніе рукъ создаетъ трансфертъ и безусловно необходимо; это должны знать эксперты, если они знакомы съ этими методами: при этомъ медіумъ находился въ гипнотическомъ состояніи.—Д-ръ Шренкъ замѣчаетъ, что такое лицо во всякомъ случаѣ не можетъ быть свидѣтелемъ при сеансѣ. На вопросъ д-ра Прейера, не касался ли обвиняемый колѣнъ паціентки и не приказывалъ ли онъ ей смотрѣть ему въ глаза,—Чинскій отвѣчаетъ отрицательно. Д-ръ Гиртъ спрашиваетъ Чинскаго, что онъ понимаетъ подъ „трансфертнымъ методомъ", такъ какъ пользованіе этимъ методомъ давно уже оставлено; а такъ какъ при этомъ примѣняются магниты, то нѣтъ надобности въ медіумѣ поэтому онъ спрашиваетъ, пользовался ли Чинскій

*) Этотъ отвѣтъ г. Чинскаго свидѣтельствуетъ объ его полномъ незнакомствѣ съ магнетизмомъ. Прим. Перев.

магнитами? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ Чинскій показываетъ книгу профессора Люиса о трансферѣ, изд. 1892 года,—слѣдовательно, методъ этотъ примѣнялся еще 2 года тому назадъ. Д-ръ Гирть: Но онъ уже давно не считается терапевтическимъ методомъ.—Чинскій. „Подъ трансферѣнымъ методомъ я понимаю трансферъ, который совершается путемъ перенесенія болѣзни съ тѣла больного на тѣло загипнотизированнаго субъекта; послѣдній долженъ непремѣнно находиться въ гипнотическомъ состояніи. Если судъ не вѣритъ, что такой методъ примѣняется и по сейчасъ въ клиникѣ Шарите въ Парижѣ, то я прошу отправить за мой счетъ телеграфный запросъ въ Парижъ". Д-ръ Гирть: „Существуетъ два трансферныхъ метода; я говорю о томъ методѣ, при которомъ употребляется магнитъ, при чемъ, при параличѣ правой стороны тѣла прикладываютъ магниты къ лѣвому боку, и такимъ образомъ перетягиваютъ параличъ на лѣвую сторону. Д-ръ Прейеръ: „Въ Сальпетріерѣ въ Парижѣ, гдѣ я самъ пользовался трансферѣнымъ методомъ Шарко, всегда употреблялись магниты. Методъ подсудимаго совершенно разнится отъ всѣхъ описанныхъ и въ научномъ отношеніи не выдерживаетъ критики.". Чинскій: „Дѣло идетъ о методѣ, примѣняемомъ профессорами, высокое научное образованіе которыхъ находится внѣ всякаго сомнѣнія.... Вѣнская съ 1889 по 1894 г. находилась у меня въ услуженіи; я находился съ нею въ сожительствѣ, имѣвшемъ свои послѣдствія". Далѣе Чинскій не отрицаетъ, что онъ женатъ, но хотѣлъ развестись и поэтому перешелъ въ протестантство; въ Дрезденѣ онъ справлялся относительно этого

усвѣдущаго лица, которое сказало ему, что перехода, въ протестантство совершенно достаточно для требованія развода. На вопросъ доктора Прейера подсудимый неоднократно повторяетъ, что *онъ никогда не приводилъ баронессу въ гипнотическое состояніе*, а когда д-ръ Шренкъ обратился къ нему съ вопросомъ, не засыпала ли баронесса во время леченія, Чинскій рекомендуетъ эксперту обратиться съ этимъ вопросомъ къ баронессѣ.

Такъ какъ Чинскаго уличали въ томъ, что при первомъ допросѣ 23 февраля 1904 г. онъ назвалъ свой методъ леченія „гомеопатическо-магнетическимъ" и методомъ Кнейпа, то Чинскій оговаривается, что вышеупомянутый допросъ производился безъ переводчика, а поэтому онъ не можетъ ручаться за вѣрность показаній, занесенныхъ въ протоколъ. Тотчасъ послѣ этого допроса онъ потребовалъ французскаго переводчика; судебный слѣдователь обѣщалъ представить ему таковаго въ недѣльный срокъ; но прошло три мѣсяца и только при допросѣ отъ 25 мая 1904 г. присутствовалъ переводчикъ. (Д-ръ Бернштейнъ заявляетъ, что обвиняемый только въ тюрьмѣ изучилъ нѣмецкій языкъ въ такомъ размѣрѣ, въ какомъ онъ сейчасъ владѣетъ имъ). Г-жа Рудольфъ, компаньонка баронессы, по словамъ Чинскаго, всегда присутствовала при сеансахъ. Вслѣдъ за тѣмъ Чинскій не отрицаетъ, что онъ искорѣ признался баронессѣ въ любви, на которую послѣдняя отвѣтила взаимностью. На вопросъ, установились-ли уже тогда интимныя отношенія между ними, онъ проситъ позволенія, какъ и на предварительномъ слѣдствіи, не отвѣчать, но въ концѣ концовъ отвѣчаетъ въ утвердительномъ смыслѣ.—Тогда д-ръ Шренкъ спрашиваетъ его

признался-ли онъ ей въ любви послѣ или во время врачебнаго пользованія, на что Чинскій отвѣчаетъ, что баронесса уже съ перваго раза, когда она его увидѣла и еще даже не вѣрилась его леченію, почувствовала, что она произвела на него впечатлѣніе, и что она рѣшила подвергнуться лѣченію лишь съ цѣлью убѣдиться въ его любви. Во всякомъ случаѣ любовь не могла-бы возникнуть вслѣдствіе леченія. Это психологически невозможно. Далѣе д-ръ Шренкъ спрашиваетъ, не производили-ли они совмѣстно спиритическихъ опытовъ, на что прис. повѣрен. Бернштейнъ отвѣчаетъ, что баронесса была заинтересована спиритизмомъ подъ вліяніемъ своего отца. По приглашенію баронессы Чинскій разъ отправился съ ней на спиритическій сеансъ въ Берлинъ.—На напоминаніе предсѣдателя подсудимому, что онъ обвиняется въ томъ, что вызвалъ къ себѣ любовь баронессы приведя ее путемъ гипнотизма въ состояніе безволія, Чинскій возражаетъ: „нельзя лишить такимъ путемъ воли такую чистую въ моральномъ отношеніи и строго религіозную особу, какъ баронесса; для этого потребовалось-бы гипнотизировать ее очень часто и болѣзненная особа не была бы въ состояніи такъ точно фиксировать свои идеи".

Дальнѣйшія событія Чинскій излагаетъ, какъ выше описано, дополняя ихъ тѣмъ, что баронесса хотѣла пригласить курортнаго врача изъ Вайда быть ея посаженнымъ отцомъ, такъ какъ она давно уже не довѣряла больше своимъ родственникамъ. Онъ желалъ негласнаго вѣнчанія, но вѣнчанія настоящаго; причину такого желанія онъ откроетъ лишь въ присутствіи баронессы.

Чинскій продолжаетъ: „Въ періодъ времени между 16—18 января, пока баронесса была еще въ

Вайдѣ, я былъ въ Вѣнѣ, вызвалъ Вартальскаго въ Café Central и далъ ему 200 флориновъ для приглашенія пастора д-ра Партиша, полагая, что послѣдній имѣетъ право на совершеніе обряда вѣнчанія въ Германіи. Впослѣдствіи Вартальскій написалъ мнѣ, что Партишъ не можетъ прибыть, и рекомендовалъ мнѣ своего товарища по службѣ нѣкоего Аренберга, который могъ бы прибыть въ Мюнхенъ и привезти съ собой д-ра Вертемана. Съ Вартальскимъ я познакомился въ Варшавѣ въ 1889 году, гдѣ послѣдній исполнялъ функціи свободнаго пастора. Послѣній мнѣ говорилъ, что онъ самъ можетъ совершить обрядъ вѣнчанія съ разрѣшенія надлежащей власти. За Вартальскимъ я поѣхалъ въ Зальцбургъ. Я не представлялъ его баронессѣ; Вартальскій представился самъ и при томъ, какъ духовное лицо. Далѣе подсудимый подтверждаетъ вышеописанныя уже нами детали вѣнчанія въ гостиницѣ „Europäischer Hof"; онъ лишь отрицаетъ полученіе имъ телеграммы отъ графа Кальноки; тостъ былъ произнесенъ на французскомъ языкѣ за здравіе герцога и герцогини („duc et duchesse"). Онъ тоже считалъ Вартальскаго за духовное лицо и считаетъ его таковымъ и посейчасъ.

Чинскій продолжаетъ: „14 февраля я получилъ телеграмму изъ Франкфурта о томъ, что оба барона Цедлицъ выѣхали въ Мюнхенъ. Я ожидалъ ихъ на вокзалѣ и они пригласили меня посѣтить ихъ на другой день для переговоровъ въ „Hotel Leinfelder". При этомъ я захватилъ съ собой разные документы, но въ концѣ концовъ оба Цедлицъ попросили меня показать имъ брачное свидѣтельство, въ чемъ я имъ первоначально отказалъ, замѣтивъ, что я имъ

уже предъявилъ различныя другія свидѣтельства, а также письменно увѣдомилъ ихъ о вѣнчаніи; но эти господа сказали: „Да покажите-же намъ его; вѣдь мы не разбойники". Послѣ этого я показалъ имъ брачное свидѣтельство, но, конечно, не съ цѣлью убѣдить ихъ въ томъ, что вѣнчаніе состоялось, а для того, чтобы выгородить себя и баронессу отъ клеветы; свидѣтельства этого я имъ не отдавалъ. Я самъ справлялся сперва въ австрійскомъ посольствѣ, а когда меня оттуда направили къ баварскимъ властямъ, то справлялся у совѣтника министерства фонъ-Германа, допустимо ли вѣнчаніе австрійскимъ духовнымъ лицомъ, на что послѣдній мнѣ объявилъ, что это вполнѣ возможно. Неужели я предъявилъ бы такой документъ, зная, что онъ подложный? Вѣдь зналъ же я, что за это меня привлекутъ къ отвѣтственности. Вѣдь это былъ бы поступокъ сумасшедшаго (Чинскій при этомъ хлопаетъ себя рукою по лбу). Д-ръ Вертеманъ говорилъ ему, что онъ пасторъ изъ Гриненвальда.

„Предположеніе, что, обладая состояніемъ баронессы, я могъ бы вести болѣе комфортабельный образъ жизни, опровергается тѣмъ обстоятельствомъ, что я нотаріальнымъ порядкомъ разъ навсегда отказался отъ этого состоянія. Я хотѣлъ бы знать, кто изъ здѣсь присутствующихъ отказался бы отъ улучшенія своего матеріальнаго положенія путемъ выгоднаго брака? Кромѣ того, я имѣлъ въ Дрезденѣ около 600 марокъ ежемѣсячнаго дохода, т. е. совершенно удовлетворительную практику. Развѣ образованіе для мужчины не равносильно наличнымъ деньгамъ? Я никогда не слышалъ, чтобы знаменитые профессора и изслѣдователи были богаты; они всегда были бѣдны. Я никогда не

гнался за деньгами; доходы отъ моихъ рефератовъ всегда шли на благотворительныя цѣли".

Этими показаніями заканчивается допросъ подсудимаго. Когда его собираются увести, то Чинскій проситъ не запирать его по крайней мѣрѣ на ключъ; предсѣдатель разрѣшаетъ ему это подъ условіемъ устраненія возможности попытки къ бѣгству. Объявляется перерывъ засѣданія до 3½ час. дня.

По возобновленіи засѣданія, подсудимому предъявляется телеграмма изъ Вѣны слѣдующаго содержанія: „Гостинница Тиршъ Санъ-Галлеръ. Четвергъ возможно въ Мюнхенѣ. Угронъ". Предсѣдатель удостовѣряетъ, что 8 февраля (такъ называемый день свадьбы) было въ четвергъ. Чинскій не отрицаетъ полученія имъ этой телеграммы и заявляетъ, что она получена имъ отъ князя Каратьева, котораго онъ въ своемъ ходатайствѣ отъ 27 августа просилъ вызвать въ качествѣ свидѣтеля, но что это его ходатайство оставлено безъ удовлетворенія. Далѣе ему предъявляется телеграмма отъ 6 февраля также изъ Вѣны (но на французскомъ языкѣ), гласящая: „7 Зальцбургъ. Гостинница Шиферъ. Выѣзжаю сегодня вечеромъ 9 часовъ. Вертеманъ". При этомъ подсудимый соглашается, что Вертеманъ и Вартальскій одно и то же лицо. По предложенію прокурора предсѣдатель спрашиваетъ подсудимаго, чѣмъ онъ объясняетъ противорѣчіе между его показаніями: сегодня утромъ онъ показалъ, что не знаетъ Вартальскаго, а во время полицейскаго допроса— что онъ прекрасно знаетъ его, и что все вѣнчаніе было лишь комедіей. Чинскій возражаетъ: „Въ то время я давалъ совершенно невѣрныя, уличающія меня показанія. 16 февраля въ присутствіи госпо-

дина обергегирунгсрата Бауэра я подписалъ мое показаніе, что мой бракъ съ баронессой дѣйствителенъ, и что Вертеманъ настоящій священникъ. Это было вѣрное показаніе. Показанія же, данныя мною у комиссаровъ и слѣдователю, были невѣрны и даны мною лишь съ цѣлью пощадить баронессу".

Послѣ этого послѣдовалъ допросъ баронессы фонъ-Цедлицъ въ отсутствіи подсудимаго. Свидѣтельница высокаго роста, стройная, но съ довольно некрасивыми чертами лица; во всей ея фигурѣ проглядываетъ какъ бы усталость. Баронесса даетъ свои показанія ясно и точно. Отъ ея прежней симпатіи къ обвиняемому осталось мало слѣда. Ей очень пріятно, что ее допрашиваютъ въ его отсутствіе; такъ какъ ея показанія должны были длиться очень долго, то ей предлагаютъ стулъ для отдыха. Принявъ присягу, она на вопросы предсѣдателя отвѣчаетъ приблизительно слѣдующее:

„Мнѣ 39 лѣтъ отъ роду, евангелическо-лютеранскаго вѣроисповѣданія, я владѣлица имѣнія Луги. Я не припоминаю, когда я познакомилась съ Чинскимъ; это было, вѣроятно, въ августѣ. Въ „Dresdener Journal" я читала объ его заведеніи и обратилась къ нему въ виду своей желудочной болѣзни, и въ виду желанія моего видѣть сомнамбула. Первый разъ я не застала Чинскаго дома; находящаяся у него дама сказала мнѣ, что у него происходитъ сеансъ. Эту даму я впослѣдствіи видѣла у него-же въ качествѣ медіума. На другой день я застала Чинскаго, а также медіума, находящагося въ гипнотическомъ снѣ, и должна была дать ей руку, послѣ чего она опредѣлила мою болѣзнь. Я не припоминаю, говорила-ли я медіуму, что я страдаю нервной болѣзнью.

Консультація происходила слѣдующимъ образомъ: Чинскій взялъ одной рукой мою руку, а другой рукой—руку медіума. Послѣ этого послѣдняя сообщила мнѣ многое, что меня приводило въ удивленіе. Она также сказала Чинскому, чтобы онъ далъ мнѣ какое нибудь средство противъ моей болѣзни, какое—это уже онъ самъ долженъ знать. Средство это названо было по французски. Послѣ этого Чинскій разбудилъ медіума, который проснулся очень неохотно и вышелъ изъ комнаты. Я спросила Чинскаго, считаетъ-ли онъ необходимымъ повторить сеансъ, на что онъ отвѣтилъ, что это было бы желательно. Въ послѣдующіе дни я уже приходила къ нему на квартиру, но медіума я не видѣла; она назвала себя г-жей Гофманъ, урожденной Кенигъ. Моей фамиліи онъ въ то время еще не зналъ. Въ тотъ же день онъ мнѣ сообщилъ многое по линіямъ руки, прочелъ выдержки изъ книги, которыя меня крайне заинтересовали, и сказалъ мнѣ, подъ какой звѣздой я родилась. Потомъ онъ мнѣ далъ нѣсколько лекарствъ, такъ какъ я собиралась уѣхать на нѣкоторое время. Эти средства были частью для втиранія, частью для внутренняго употребленія; я полагаю, что онъ меня тогда немного электризовалъ; онъ клалъ также свою руку на мою голову. До моего путешествія въ Тюрингію я уже болѣе не посѣщала его.

Приблизительно 2 сентября я вернулась въ Дрезденъ. Во время моего путешествія я ему писала, что его средства мнѣ не помогаютъ.

Проф. Грашей: „Не просилъ ли Васъ тогда Чинскій дать ему волосы съ вашей головы? Свидѣтельница: „Да, потому что благодаря этому онъ будетъ имѣть возможность сопутствовать мнѣ

мысленно во время моего путешествія. Насколько я припоминаю, онъ мнѣ самъ отрѣзалъ клочекъ волосъ за ухомъ".

На дальнѣйшіе вопросы она отвѣчаетъ: „2-го сентября я вернулась въ Дрезденъ и остановилась тамъ на нѣкоторое время; и вотъ тогда Чинскій нѣсколько разъ приходилъ ко мнѣ въ гостинницу въ сопровожденіи медіума. Пользованіе состояло въ томъ, что онъ клалъ мнѣ руку на животъ и на голову; при этомъ я разстегивала свое платье такъ, что одна рука Чинскаго лежала на рубашкѣ. Онъ проводилъ рукой по животу взадъ и впередъ и разговаривалъ со мной. Я прислонялась къ спинкѣ стула и закрывала глаза; Чинскій приказывалъ мнѣ закрывать глаза и предаваться веселымъ мыслямъ (быть веселой, смѣяться и ѣсть). Медіумъ всегда былъ заранѣе погруженъ въ сонъ и сидѣлъ на стулѣ рядомъ со мной, держа меня за руку и касаясь своими колѣнями моихъ колѣнъ.

Профессоръ Гиртъ спрашиваетъ, не видѣла-ли свидѣтельница, какъ обвиняемый усыплялъ медіума. Свидѣтельница: „Да, я это видѣла; а потомъ онъ то же самое продѣлывалъ и со мной". Профессоръ Прейеръ проситъ свидѣтельницу посмотрѣть ему въ глаза (свидѣтельница немедленно отводитъ глаза въ сторону). Свидѣтельница: „Я сама всегда закрывала глаза, такъ какъ мнѣ непріятно, если кто нибудь такъ пристально смотритъ мнѣ въ глаза". Профессоръ Прейеръ: Не можете-ли вы мнѣ сказать, сколько времени продолжались эти манипуляціи? Свидѣтельница: „Можетъ быть полчаса. Меня всегда клонило ко сну; Чинскій утверждалъ, что я уже нахожусь въ полуснѣ. Я смѣялась и говорила ему,

что это неправда. Я никогда не погружалась совершенно въ сонъ; это была только дремота. Профессоръ Гиртъ: „Можете ли вы себѣ давать отчетъ о каждомъ мгновеніи, проведенномъ въ присутствіи Чинскаго, или же были моменты, которыхъ вы болѣе не припоминаете?“ Свидѣтельница: Я отчетливо помню всѣ подробности. Однажды послѣ леченія медіумъ вдругъ схватилъ меня за руку и началъ плясать со мной по комнатѣ. На мой вопросъ, что это ей пришло въ голову, она отвѣтила. „Это онъ мнѣ приказалъ“.

Предсѣдатель: „А когда объявлялся сеансъ оконченныхъ? Свидѣтельница: „Послѣ того какъ медіумъ открывалъ глаза и я совершенно просыпалась. Послѣ этого мы еще немного разговаривали и я удалялась. Нѣсколько разъ я чувствовала давленіе въ затылкѣ; какъ долго продолжались эти ощущенія, я не могу опредѣлить. Послѣ этого я еще нѣсколько разъ была у Чинскаго и всегда продѣлывалось одно и то же. Онъ старался погрузить меня совершенно въ сонъ, но это ему не удавалось. Какъ то разъ я не могла придти къ нему и послала свою компаньонку, поручивъ ей передать ему, что вслѣдствіе мигрени я не приду. Чинскій отвѣтилъ: „Она придетъ“. И дѣйствительно, въ условленное время мнѣ сдѣлалось лучше, я встала и въ 5 час. пополудни была у Чинскаго. Тогда только я назвала Чинскому мою фамилію. Онъ посѣщалъ меня въ гостиницѣ около 5 или 8 разъ и послѣ пользованія я чувствовала себя лучше. Вообще мнѣ стало легче на душѣ, чѣмъ раньше. Во время этихъ пользованій нѣсколько разъ присутствовалъ медіумъ.

Профессоръ Прейеръ: „Какимъ образомъ держалъ онъ руки во время пользованія? „Свидѣтельница: „Онъ касался меня рукой въ теченіе нѣсколькихъ минутъ". Проф. Гиртъ: „Были ли моменты, которыхъ вы не припоминаете съ полной ясностью." Свидѣтельница: „Я ясно помню рѣшительно все, хотя я находилась въ состояніи полусна. Въ Лугѣ, гдѣ меня также пользовалъ Чинскій, мои вѣки сдѣлались еще тяжелѣе. Какъ только онъ накладывалъ на меня руку, онъ смотрѣлъ мнѣ въ глаза; это было мнѣ непріятно и я ихъ закрывала. Послѣ сеанса я чувствовала какую то тяжесть во всемъ тѣлѣ; хотя я могла вставать безъ посторонней помощи, но открывала глаза съ трудомъ; будилъ онъ меня дуновеніемъ." Д-ръ фонъ-Шренкъ: „Не поднималъ ли онъ Вашихъ рукъ?" Свидѣтельница: „Нѣтъ; во время сеансовъ онъ мнѣ приказывалъ только всегда предаваться веселымъ мыслямъ; иногда онъ мнѣ разсказывалъ кое что изъ области сказочнаго; но никогда ничего мистическаго. Какъ то разъ я поѣхала въ Берлинъ на спиритическій сеансъ; Чинскій, по моему приглашенію, сопровождалъ меня туда. Во время этого сеанса я увидѣла свою умершую подругу (Мелиту), я почувствовала ея руку въ своей рукѣ и замѣтила запахъ духовъ, которые она употребляла при жизни. На другой день я почувствовала себя крайне усталой и разбитой. Чинскій обѣщалъ помочь мнѣ. Я лежала на кровати, а онъ клалъ мнѣ свои руки на голову. Мною овладѣла полудремота, но я отчетливо сознавала все, что происходило вокругъ меня. Мало по малу усталость исчезла и я почувствовала себя болѣе здоровой и бодрой. При послѣдующихъ приходахъ ко мнѣ Чинскаго въ Дрез-

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

„Процессъ Чинскаго" переводится на русскій языкъ въ виду заявленія г. Чинскаго, что „процессъ этотъ составляетъ его гордость, такъ какъ онъ защитилъ и спасъ честь и жизнь женщины, ему довѣрившейся, и что онъ сдѣлалъ бы еще разъ то же самое безъ колебанія, если бы представился къ тому случай" (см. газету „Петербургскій листокъ" 7 августа 1908 г. № 215 открытое письмо г. Чинскаго К. Кудрявцеву).

Пусть всѣ знаютъ, съ кѣмъ имѣютъ дѣло, и поостерегутся!

К. Кудрявцевъ.

СПБ., 30 августа 1908 г.

денѣ я часто ощущала замѣченный мною въ Берлинѣ запахъ духовъ умершей подруги; такъ напр., я слышала его, когда Чинскій потиралъ пальцами и желалъ, чтобы я ощущала этотъ запахъ.

Д-ръ Фонъ-Шренкъ: „Не случалось ли съ Вами, что Вы впадали также въ сонное состояніе въ то время, когда находились дома?" Свидѣтельница: „Какъ то разъ Чинскій сказалъ мнѣ, что стоитъ ему только интенсивно подумать обо мнѣ и онъ можетъ повліять на меня заочно даже на разстояніи; въ то время какъ онъ будетъ думать обо мнѣ, я должна сѣсть на диванъ, и онъ достигнетъ такихъ же результатовъ, какъ если бы присутствовалъ лично. Онъ указалъ время, я сидѣла на диванѣ и дѣйствительно погрузилась въ сонное состояніе; между этими двумя событіями протекло приблизительно до 8 дней. Другихъ ощущеній, кромѣ сонливости, у меня не было. Чинскій просилъ меня также, чтобы я каждый день думала о немъ и смотрѣла на его фотографію; это облегчитъ ему возможность заочнаго воздѣйствія на меня.

На вопросъ Берштейна свидѣтельница показываетъ, что она уже раньше занималась спиритизмомъ подъ руководствомъ своего отца. „Это было лѣтъ 5—6 тому назадъ, говоритъ она; „я, по порученію отца, даже написала докладъ о вышеупомянутомъ сеансѣ въ Берлинѣ въ „Illustrirte Welt."—Проф. Прейеръ: Развѣ Чинскій никогда не обращался къ вамъ съ такими словами: „Теперь Вы загипнотизированы"? Свидѣтельница: „Нѣтъ". Проф. Прейеръ: „Разбудивъ Васъ, не обращался-ли онъ съ вами на „ты?" Свидѣтельница: „Нѣтъ, онъ во время полусна не дѣлалъ этого. Онъ также не приказывалъ мнѣ забывать

все, а только—чтобы я была веселой, а передъ пробужденіемъ онъ дулъ мнѣ въ лицо. Д-ръ фонъ-Прейеръ: „Не говорилъ-ли вамъ Чинскій, что онъ хочетъ угадывать Ваши мысли?“ Свидѣтельница: „Когда мы передъ спиритическимъ сеансомъ въ Берлинѣ сидѣли въ кофейной, онъ нѣсколько разъ подрядъ угадалъ мои мысли“.

Дальнѣйшія событія свидѣтельница описываетъ слѣдующимъ образомъ: „Приблизительно въ октябрѣ мѣсяцѣ прошлаго года Чинскій въ одинъ прекрасный день во время леченія признался мнѣ въ любви. Я очень испугалась, удивилась и ощутила глубокое состраданіе. *Онъ признался мнѣ въ то время, когда я, по обыкновенію, находилась въ сонномъ состояніи.* Онъ добавилъ, что онъ бѣденъ. Относительно Вьесинской, которую я считала его женой и которую онъ называлъ своей „дамой“, онъ утверждалъ, что это только его медіумъ. Далѣе онъ говорилъ, что его жена ему измѣнила и что онъ очень несчастливъ. Я только одна могла бы спасти его душу и сдѣлать его счастливымъ. Онъ хотѣлъ развестись съ женой, принять протестантство и жениться на мнѣ. Я плакала, глубоко сочувствовала ему и полагала, что я должна была совершить доброе дѣло. *Собственно говоря, я не чувствовала къ нему никакой любви.* Онъ бомбардировалъ меня письмами, настаивалъ и при дальнѣйшихъ пользованіяхъ говорилъ только о любви, но онъ мнѣ не приказывалъ забыть то, что случилось. *Собственно говоря, я не отвѣчала ему настоящимъ образомъ на его любовь,* но такъ какъ случилось нѣчто печальное, то я спрашивала себя: не люблю-ли я его и не могу-ли я ему дать лучшую жизнь. Я сказала себѣ „да“; я отдалась ему, сама не зная, какъ это

могло случиться такъ быстро; все это произошло такъ странно, и я иначе не могла поступить; поэтому я рѣшилась выйти за него замужъ, изъ сожалѣнія къ нему, полагая, что я нашла въ немъ хорошіе задатки и желая спасти его душу. Раньше мнѣ эта мысль не приходила въ голову, и до его признанія въ любви я интересовалась только его дѣятельностью".

Затѣмъ свидѣтельницѣ предлагаютъ вопросы, вступила-ли она съ Чинскимъ въ болѣе интимныя отношенія и случилось-ли это послѣ сеанса, во время котораго она находилась въ состояніи полусна? На это она отвѣтила утвердительно и добавила, что обѣщала ему выйти за него замужъ, такъ какъ онъ очень настаивалъ и не давалъ ей покоя, а также и потому, что сочувствовала его горю и думала сдѣлать доброе дѣло. Проф. Прейеръ: „Думаете ли Вы, что Чинскій повліялъ на Ваше рѣшеніе?" Свидѣтельница: „Конечно". Проф. Прейеръ: „Разнѣ это печальное событіе не вызвало въ Васъ убѣжденія, что и Вы должны его полюбить?" Свидѣтельница: „Эта мысль мнѣ также приходила въ голову". Проф. Прейеръ: „Было-ли это печальное событіе, о которомъ Вы говорите, также послѣдствіемъ полусна?" Свидѣтельница: „Этого я не могу сказать. Мнѣ только было очень жаль его". Д-ръ Шренкъ: „Продолжалось-ли дальнѣйшее врачебное пользованіе послѣ его признанія въ любви?" Свидѣтельница: „Да; онъ просилъ меня также ѣсть у него и пить съ нимъ вино. Я этого, собственно говоря, не хотѣла и въ то время и случилось печальное событіе".

Свидѣтельница: „Онъ все время не давалъ мнѣ покоя. Я, собственно говоря, не хотѣла при-

нять его предложенія и давать свое согласіе на назначаемыя имъ встрѣчи, но все таки *я не могла противостоять и должна была послушать его.* Мы часто бесѣдовали на религіозныя темы и онъ говорилъ мнѣ, что я могу спасти его душу. Это доставляло мнѣ извѣстное удовлетвореніе, и я дала свое согласіе на бракъ. *Я чувствовала, что потеряла самообладаніе и что я совершенно подчинилась его вліянію.* Интимныя отношенія съ Чинскимъ хотя и не имѣли мѣста во время сознаго состоянія, но *я до такой степени находилась подъ его вліяніемъ, что не была въ состояніи противостоять ему.* Только теперь, когда я узнала, что онъ меня обманывалъ на каждомъ шагу, *я почувствовала къ нему отвращеніе.*

Прис. пов. Бернштейнъ цѣлымъ рядомъ выдержекъ изъ ея писемъ болѣе поздняго времени доказываетъ, что свидѣтельница сама поддерживала эти отношенія. Свидѣтельница возражаетъ: „Да, но онъ все время настаивалъ и упрашивалъ меня спасти его душу. Далѣе, онъ мнѣ далъ особое имя „Утсарпини": это означаетъ личность, которая возвратилась на землю, чтобы, согласно индійскому преданію, спасти другую душу „Пунаръ-Бгава", но для этого необходимо, чтобы Утсарпини *безпрекословно* отдалась Пунаръ-Бгава. Талисмана онъ мнѣ не давалъ, а далъ только перстень, привезенный имъ изъ Египта и приносящій счастье тому, кто его носитъ. Чувство мое къ нему все усиливалось, особенно послѣ того, какъ я надѣла это кольцо". Д-ръ Грашей предъявляетъ ей выдержки изъ ея писемъ, въ которыхъ она говоритъ о „принуждающей власти", которая принуждаетъ ее къ любви. Свидѣтельница объясняетъ, что подъ этимъ

выраженіемъ она понимала его „сильную и великую любовь". *„Я въ то время была ошеломлена, какъ будто не была сама собой, не была въ состояніи противостоять и вообще все мнѣ казалось какимъ то рокомъ"*. Д-ръ Бернштейнъ противоставляетъ этимъ показаніемъ то обстоятельство, что въ письмахъ своихъ, когда она не была еще обручена, она выражаетъ опасеніе, что Чинскій можетъ посмотрѣть на нее критически и открыть въ ней плохія качества. Онъ ссылается на показанія свидѣтельницы относительно приготовленій къ свадьбѣ; показанія эти для подсудимаго крайне важны, такъ какъ на нихъ построено все обвиненіе.

Относительно нотаріальнаго договора, касающагося отказа Чинскаго отъ ея состоянія, свидѣтельница подтверждаетъ показанія подсудимаго, а именно, что этотъ контрактъ былъ дѣйствительно совершенъ по его настоянію. Она хотѣла отказать ему на случай своей смерти 6.000 мар. ренты, но этотъ пунктъ былъ вычеркнутъ по желанію Чинскаго. Расходясь съ показаніями подсудимаго, свидѣтельница утверждаетъ, что онъ показывалъ ей во время завтрака поздравительную телеграмму будто бы отъ Кальноки и, когда она замѣтила ему, что телеграмма не подписана, то онъ отвѣтилъ, что это ничего не значитъ. На замѣчаніе прокурора, что баронесса въ теченіе 5 недѣль, съ 1-го января до дня свадьбы, истратила, какъ это видно изъ письма ея управляющаго, 14.000 марокъ, она восклицаетъ: „Какъ! такъ много!" Д-ръ Бернштейнъ разъясняетъ это заявленіемъ, что въ этой суммѣ находятся статьи расхода въ размѣрѣ 5.000, 1.000 и 600 марокъ Лѣсничему и Присяжному повѣренному. Свидѣтельница отвѣчаетъ отрицательно на

вопросъ, не требовалъ-ли подсудимый отъ нея денегъ: онъ никогда не безпокоилъ ее подобнаго рода просьбами, но она сама платила ему приличный гонораръ.

Вслѣдъ за тѣмъ въ залу засѣданія вводится подсудимый и допросъ свидѣтельницы повторяется въ его присутствіи. Она ничуть не стѣснется присутствіемъ Чинскаго и говоритъ о немъ какъ о „подсудимомъ". Она показываетъ, что считала его за врача, который примѣнялъ только необыкновенный методъ леченія;—она только хотѣла испробовать послѣдній. На вопросъ д-ра Прейера она повторяетъ: „онъ хотѣлъ совершенно погрузить меня въ сонъ, но это ему не удавалось. При этомъ Чинскій вставляетъ: „Баронесса была немного возбуждена и, кромѣ того, она обыкновенно спала послѣ обѣда". Экспертъ д-ръ фонъ-Прейеръ проситъ слова и констатируетъ, что, по его мнѣнію, въ данномъ случаѣ безъ сомнѣнія примѣнялись гипнотическіе пріемы. Накладываніе руки и т. п. дѣйствія скорѣе всего погружаютъ человѣка въ сонъ, при чемъ сознаніе можетъ и не исчезнуть. Только отъ 10 до 15% его паціентовъ теряютъ сознаніе, а 60% подвергаются воздѣйствію, какъ въ данномъ случаѣ. Человѣкъ, находящійся въ такомъ состояніи, теряетъ способность оказывать сопротивленіе чужой волѣ; но онъ чувствуетъ все, что съ нимъ происходитъ, и находится въ нарождающемся сонномъ состояніи. Свидѣтельница: „Члены мои не были лишены способности двигаться, они только тяжелѣли; я не имѣла силы встать. Д-ръ Шренкъ: „Это было въ такомъ случаѣ только переходное состояніе отъ сомноленціи къ гипнотаксису. Правильный гипнозъ не долженъ от-

личаться отъ нормальнаго сна, въ противномъ случаѣ допущена ошибка. Такое гипнотическое состояніе сонливости мы часто вызываемъ для терапевтическихъ цѣлей". Показаніе свидѣтельницы, что признаніе въ любви произошло во время такого сознаго состоянія, вызываетъ энергичный протестъ со стороны подсудимаго, который спрашиваетъ ее, было-ли это послѣ обѣда или вечеромъ, на что свидѣтельница не можетъ дать опредѣленнаго отвѣта.

Чинскій придаетъ особенное значеніе тому факту, что онъ до обрученія съ баронессой не сообщалъ ей ничего о своемъ происхожденіи, а сообщилъ объ этомъ лишь незадолго до свадьбы; послѣдняя не отрицаетъ этого, но добавляетъ, что его происхожденіе никоимъ образомъ не могло повліять на ея рѣшеніе.

О дальнѣйшихъ событіяхъ, слѣдовавшихъ за обрученіемъ, свидѣтельница сообщаетъ слѣдующее": въ январѣ текущаго года мы уѣхали въ Сан-Галленъ и Вайдъ въ Швейцарію съ цѣлью обручиться тамъ публично; оттуда мы разсылали объявленія объ обрученіи. Лишь въ послѣдніе дни нашего пребыванія въ Швейцаріи Чинскій сообщилъ мнѣ о необходимости негласнаго вѣнчанія, такъ какъ *онъ происходитъ изъ княжеско-литовскаго рода* и, въ случаѣ гласнаго вѣнчанія, могутъ произойти политическія осложненія. Министръ Кальноки очень радуется ихъ союзу, но и онъ опасается, чтобы одна дама, принадлежащая къ лучшему обществу въ Дрезденѣ, чрезвычайно интересовавшаяся Чинскимъ, не надѣлала ему крупныхъ непріятностей, если узнаетъ о предполагаемомъ вѣнчаніи. Еще въ началѣ января Чинскій поѣхалъ въ

Вѣну подъ предлогомъ приведенія въ порядокъ своихъ бумагъ и чтобы посовѣтоваться съ графомъ Кальноки. Послѣ этого онъ вернулся въ Швейцарію, но вскорѣ опять уѣхалъ. Передъ своимъ отъѣздомъ Чинскій мнѣ обѣщалъ нанять въ Мюнхенѣ квартиру и позаботиться о томъ, чтобы на вокзалѣ меня встрѣтилъ его знакомый изъ австрійскаго посольства, но ничего этого онъ не сдѣлалъ.

„7 февраля въ Мюнхенъ пріѣхалъ Вартальскій. На другой день Чинскій представилъ его мнѣ какъ доктора теологіи Вертемана. Я подозрѣвала, что совершается что-то неладное. Утромъ въ день свадьбы дѣлались приготовленія къ вѣнчанію, которое совершилось вышеописаннымъ образомъ. Послѣ вѣнчанія я спросила Вартальскаго, дѣйствительно-ли онъ духовное лицо; но послѣдній далъ свое честное слово, что вѣнчаніе вполнѣ дѣйствительно и законно, а Чинскій добавилъ; „что Богъ соединилъ, того человѣкъ да не разъединяетъ". Когда обсуждался вопросъ о приглашеніи свидѣтелей, я хотѣла было пригласить присяжнаго повѣреннаго Бишофа, но Чинскій возражалъ противъ этого, говоря: „Присяжныхъ повѣренныхъ я не желаю". Во время завтрака Вартальскій пилъ за наше здоровіе. Чинскій показывалъ мнѣ поздравительную телеграмму будто-бы отъ министра Кальноки. Во время завтрака онъ впервые сообщилъ мнѣ подробности, касающіяся его личности, а именно, что онъ князь Святополкъ, а потомъ, что онъ происходитъ изъ княжескаго рода Четвертынскихъ. Согласно заключенному брачному договору, Чинскій навсегда отказался отъ управленія моимъ имуществомъ; онъ вообще никогда не требовалъ отъ меня денегъ и вообще стѣснялся брать ихъ у меня, но я всегда

замѣчала, когда онъ нуждался въ нихъ. Расходы на поѣздки въ Вѣну и Краковъ я приняла на свой счетъ, а также несла всѣ остальные расходы, въ особенности же связанные съ лѣчаніемъ. Вступивъ въ болѣе интимныя отношенія съ Чинскимъ, я настаивала на томъ, чтобы онъ оставилъ свою дѣятельность въ качествѣ гипнотизера и т. д.

Экспертъ Фуксъ (изъ Боннъ) выражаетъ желаніе высказать свое мнѣніе уже теперь, такъ какъ онъ не можетъ вдаваться въ нѣкоторыя детали.—Хотя прокуроръ сомнѣвается, въ состояніи-ли экспертъ дать свое окончательное заключеніе въ этой стадіи процесса, но профессоръ Фуксъ все-таки настаиваетъ на своемъ ходатайствѣ и высказываетъ свое мнѣніе. Проф. Фуксъ: „Съ нѣкоторыхъ поръ я страдаю невралгическими недомоганіями; поэтому я не могъ концентрировать своего вниманія на всемъ видѣнномъ и слышанномъ. Я не могу вдаваться въ обсужденіе спеціальныхъ вопросовъ; я только хочу высказать свое мнѣніе о гипнотизмѣ вообще, ибо для этой цѣли меня, вѣроятно, пригласили сюда, и мое отношеніе къ гипнотизму строго отрицательное. Я не вижу въ послѣднемъ средство, при помощи котораго можно совершенно парализовать волю человѣка. Никому, вѣроятно, не удастся заставить симулирующаго болѣзнь отказаться отъ своей симуляціи. Конечно, когда вы посѣщаете сеансы гипнотизеровъ, то вы выносите впечатлѣніе, что загипнотизированные безпрекословно подчиняются приказаніямъ. Когда, наприм., говорятъ кому нибудь: „Вы не человѣкъ, а собака", то онъ бѣгаетъ на четвереренькахъ, даетъ и т. д. Допустимъ, что это такъ. Многочисленные опыты подобнаго рода я видѣлъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Парижѣ,

въ особенности у учителя подсудимаго, у профессора Люиса. Въ то время я убѣдился въ томъ, что всѣ эти люди ни болѣе ни менѣе какъ глупцы, которые подчиняются только влеченію возбудить къ себѣ интересъ публики или оказать по какой либо причинѣ любезность гипнотизеру. Часто по ничтожнымъ признакамъ я замѣчалъ, что эти люди дѣйствительно только глупы. Такъ, напримѣръ, внушили человѣку, что внизу находится стѣна, черезъ которую онъ не можетъ перепрыгнуть. Онъ немедленно подошелъ къ назначенному мѣсту и дѣлалъ видъ, какъ будто онъ перепрыгиваетъ, но, вмѣсто того, чтобы прыгать впередъ, онъ все прыгалъ назадъ, потому что онъ, очевидно, не вѣрилъ вовсе въ существованіе стѣны, а просто-напросто, подчиняясь приказанію гипнотизера, не могъ перепрыгнуть черезъ это мѣсто. Изъ числа великихъ ученыхъ, которые занимаются гипнотизмомъ, какъ напримѣръ Шарко, насколько я знаю, еще никто не утверждалъ, что его самого можно загипнотизировать. Нельзя загипнотизировать человѣка, обладающаго чувствомъ отвѣтственности.

„Я утверждаю, что невозможно загипнотизировать, напр., ни одного изъ г.г. судей или присяжныхъ засѣдателей и ограничивать во время гипнотическаго сна ихъ волю замѣтнымъ образомъ. Гипнотическіе опыты, которые я видѣлъ,—для суда совершенно негодны и бездоказательны. Поэтому слѣдуетъ относиться къ этой области весьма скептически и судебная практика только въ такомъ случаѣ должна будетъ придерживаться противоположнаго мнѣнія, если эти опыты будутъ произведены, такъ сказать, подъ присягой. Я поэтому предлагаю подвергнуть гипнотическому опыту одного

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Введеніе	5
Изложеніе дѣла	7
Первый день процесса	13
Второй „ „	43
Третій „ „	69
Четвертый день процесса	84
Судебный приговоръ	87

изъ присяжныхъ засѣдателей. Каждый изъ нихъ, несомнѣнно, преисполненъ чувства серьезной отвѣтственности и никто изъ нихъ, конечно, не разыграетъ комедіи. Вечеромъ, въ обществѣ гостей, всегда найдется кто-нибудь, кто, въ угоду гипнотизеру, продѣлаетъ различныя манипуляціи. Я убѣжденъ, что эти опыты будутъ неудачны, какъ только соотвѣтствующія лица будутъ знать, что они не имѣютъ права разыгрывать комедіи. Этого мнѣнія придерживаюсь только одинъ я; конечно я не могу похвастаться столь богатыми опытами въ области гипнотизма, какъ другіе эксперты. Я вовсе не считаю себя авторитетомъ въ этой области, но во время своего пребыванія въ Парижѣ пришелъ къ убѣжденію, что все видѣнное мною у Люиса и Шарко невозможно. Я написалъ объ этомъ рефератъ въ берлинской „Medicinische Zeitschrift", въ теченіе же послѣднихъ 4-хъ лѣтъ я не занимался этимъ дѣломъ. Какъ только человѣкъ сознаетъ, какую отвѣтственность онъ несетъ, онъ дѣлается нечувствительнымъ къ гипнотическимъ опытамъ. Я убѣжденъ, что всѣ они—одна лишь комедія. Вы, конечно, сдѣлаете весьма вѣсскія возраженія, но я прошу произвести опытъ, возможно ли будетъ загипнотизировать лицъ, связанныхъ присягой. Если я въ слѣдующіе дни узнаю изъ газетъ, что такой опытъ удался съ однимъ изъ г.г. судей или присяжныхъ засѣдателей, то все вышесказанное мною я беру обратно, но только въ такомъ случаѣ".

Экспертъ д-ръ Прейеръ возражаетъ, что его воззрѣнія совершенно расходятся съ только что изложенными. Если бы даже всѣ присяжные засѣдатели подверглись опытамъ и каждый опытъ былъ бы неудаченъ, то это для даннаго случая

совершенно безразлично, ибо здѣсь дѣло не касается общаго вопроса, а только слѣдующаго: примѣнялось ли въ данномъ случаѣ внушеніе, которое послужило основаніемъ для обвиненія, при нахожденіи потерпѣвшей въ гипнотическомъ состояніи, одинъ или нѣсколько разъ? Д-ръ Фуксъ: „Прежде чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ слѣдуетъ предварительно доказать, не разыгрывали ли эти лица комедіи, а, во вторыхъ,—вопросъ о продолжительности послѣгипнотическаго состоянія и до сихъ поръ составляетъ предметъ научнаго спора. Предсѣдатель спрашиваетъ д-ра Фукса, производилъ ли онъ самъ опыты въ этомъ направленіи. Д-ръ Фуксъ". Я изрѣдка наблюдалъ въ клиникахъ подобные случаи и какъ-то разъ въ Боннѣ пригласилъ гипнотизера; и тогда я еще больше убѣдился, что все это комедія. Если кто-нибудь хочетъ сопротивляться гипнозу, то ему во время опыта слѣдуетъ лишь говорить, что это все глупости, пустяки, ему все равно и т. п. Влеченіе разыгрывать комедіи весьма распространено у людей и обнаруживается зачастую тамъ, гдѣ его совершенно не ожидаютъ".

Д-ръ Гиртъ:" Я сейчасъ не могу подробно возражать на экспертизу д-ра Фукса, но хочу подчеркнуть лишь то обстоятельство, что этотъ вопросъ можетъ быть разрѣшенъ только лицомъ, занимавшимся гипнотизмомъ практически. Д-ръ Фуксъ изучалъ это дѣло только въ Парижѣ и вполнѣ возможно, что мѣстные медіумы пріобрѣли извѣстную рутину вслѣдствіе ежедневнаго пользованія ими. Заблужденія со стороны Шарко были доказаны также школой въ Нанси. Здѣсь дѣло идетъ о явленіи, которое ежедневно можно наблюдать у больныхъ; тотъ, кто практически зани-

мается гипнотизмомъ, никогда не предложитъ за гипнотизировать присяжныхъ засѣдателей, ибо онъ прекрасно знаетъ, что это вовсе не такъ просто; для этой цѣли необходимо предварительно подготовить подлежащее лицо такъ сказать психически, и при томъ въ тихой обстановкѣ; при отсутствіи этихъ условій даже ежедневно гипнотизирующее лицо не будетъ въ состояніи загипнотизировать ни одного изъ присяжнымъ засѣдателей. Поэтому я совершенно не согласенъ съ экспертизой д-ра Фукса".

Д-ръ Фуксъ, согласно своему желанію, освобождается отъ своихъ обязанностей, хотя обвиняемый неохотно соглашается на это, говоря: „Уходъ д-ра Фукса для меня большой ударъ, и теперь я всѣми покинутъ; я прекрасно помню, какъ французскіе присяжные засѣдатели въ извѣстномъ процессѣ Габріели Бомпаръ высмѣивали школу Нанси и присоединились къ мнѣнію школы Сальпетіеръ, заявившей, что подобное внушеніе немыслимо".

Объявляется перерывъ засѣданія до слѣдующаго дня.

2-й день процесса.

Въ засѣданіи 18 декабря первымъ, въ качествѣ свидѣтеля, допрашивался итальянскій генеральный консулъ фонъ-Ольденбургъ, по вопросу о подлинности двухъ представленныхъ подсудимымъ документовъ (дипломовъ), удостовѣряющихъ права его на докторскую степень и на дворянское званіе. Одинъ документъ выданъ ему будто бы изъ „Reale academia di Medicina" въ Римѣ, и предоставляетъ Чинскому степень доктора, а другой полученъ имъ изъ „Società della croce bianca", и удостовѣряетъ, что Чинскій жалуется рыцаремъ ордена бѣлаго креста. Свидѣтель освѣдомлялся относительно этого у итальянскаго правительства и послѣднее уполномочило его заявить, что вышеупомянутыя учрежденія не существуютъ ни въ Римѣ, ни во всей Италіи. Первый дипломъ изготовленъ профессіональнымъ поддѣлывателемъ документовъ, уже наказаннымъ въ 1853 году за подобный подлогъ и нынѣ опять находящимся подъ слѣдствіемъ. На это подсудимый возражаетъ, что „Academia" закрылась въ 1889 году, а свидѣтель утверждаетъ, что она никогда не существовала. Относительно дворянскаго званія Чинскій заявляетъ, что прокуроръ ошибается, и что онъ, Чинскій, имѣетъ право на это званіе

въ силу находящагося въ его дѣлѣ австрійскаго документа, на основаніи котораго фамилія „Любичъ" значится дворянской.

Такъ какъ подсудимый неоднократно возражалъ противъ слѣдственныхъ протоколовъ, то, въ качествѣ свидѣтеля, допрашивается судебный слѣдователь Арнольдъ, который подтверждаетъ, что Чинскій во время предварительнаго слѣдствія въ рѣшительномъ тонѣ говорилъ о томъ, что гипнотическимъ внушеніемъ онъ достигъ улучшенія здоровья баронессы, и что всѣ свадьба была только комедіей. Чинскій уже довольно давно живетъ въ Германіи, произвелъ на него впечатлѣніе человѣка, достаточно владѣющаго нѣмецкимъ языкомъ, чтобы точно выражать свои мысли, и что онъ пригласилъ переводчика только для того, чтобы подсудимый впослѣдствіи не отказался отъ своихъ показаній. Протоколы прочитывались ему медленно и внятно. На вопросъ эксперта д-ра Гирта, считаетъ ли онъ подсудимаго обманщикомъ или же врачемъ, свидѣтель отвѣчаетъ: „Во время слѣдствія я уже познакомился съ актами полицейскаго дознанія, составленными въ Познани и Дрезденѣ, изъ которыхъ видно, что подсудимый занимался гипнотическими опытами, причемъ въ Познани публично, послѣ чего онъ былъ высланъ оттуда. Какъ примѣръ такихъ опытовъ, въ одномъ изъ этихъ актовъ, между прочимъ, упоминается о томъ, что онъ, во время одного изъ публичныхъ сеансовъ, загипнотизировалъ какого-то прусскаго офицера, который въ полной формѣ опустился передъ нимъ на колѣни и обнажилъ передъ публикой по его приказанію саблю. Я самъ сомнѣвался тогда, пользуется ли Чинскій этой наукой вполнѣ корректно, равно какъ

не могъ рѣшить вопроса, имѣю ли я предъ собой научно образованнаго человѣка. Но это я навѣрно помню, что свадьбу онъ назвалъ комедіей и Вартальскаго пригласилъ для совершенія обряда вѣнчанія. Когда Чинскій впослѣдствіи измѣнилъ свои показанія, то я предъявилъ ему показанія Вартальскаго, данныя имъ въ Вѣнѣ".

Оживленный споръ возникъ между свидѣтелемъ и подсудимымъ относительно того, сознался ли послѣдній на предварительномъ слѣдствіи въ своей интимной связи съ баронессой. Подсудимый объясняетъ бывшія при этомъ недоразумѣнія тѣмъ, что онъ у судебнаго слѣдователя, говоря о своихъ сношеніяхъ съ баронессой, никогда не употреблялъ выраженія „charnel" или „corporel", а всегда выраженіе „intime". Проф. д-ръ Гиртъ обращается къ Чинскому съ вопросомъ, что онъ понимаетъ подъ словомъ „intime". Чинскій отвѣчалъ: „дружеское довѣрчивое общеніе"—а отнюдь не „corporel" или „sexuel".

Слѣдователь Арнольдъ какъ сейчасъ видитъ Чинскаго передъ собой и категорически утверждаетъ, что, на заданный ему соотвѣтствующій вполнѣ понятный вопросъ, Чинскій, опустивъ глаза, прошепталъ „да"; а на вопросъ, начались ли эти сношенія уже до свадьбы, также отвѣтилъ утвердительно. Изъ протокола видно, что Чинскій при допросѣ отъ 23 февраля отказался отвѣтить на этотъ вопросъ, а 2 мая отвѣтилъ на него утвердительно, между тѣмъ какъ баронесса дала такой отвѣтъ лишь при допросѣ отъ 10 мая. Относительно различныхъ писемъ и телеграммъ, носящихъ подпись „Угронъ", Чинскій первоначально показалъ, что письма эти отъ Вартальскаго, а те-

леграммы отъ другого лица. Въ письмахъ встрѣчаются буквы „S. E. K.“ (предполагаютъ „Его превосходительство Кальноки“), Чинскій же всегда заявлялъ, что долгъ его предъ Австрійскимъ императоромъ и отечествомъ запрещаетъ ему дать свѣдѣнія о томъ лицѣ, которое скрывается подъ этимъ превосходительствомъ К. и псевдонимомъ „Угронъ“. На вопросъ присяжнаго повѣреннаго Бернштейна свидѣтель Ариольдъ не отрицаетъ, что отношеніемъ отъ 23 апрѣля 1894 г. онъ обратился въ полицейское управленіе въ Дрезденѣ съ запросомъ, не имѣлъ ли Чинскій и тамъ интимныхъ отношеній съ посторонними женщинами, въ особенности же въ то время, когда онъ вступилъ въ таковыя съ баронессой, и если да, то не съ дамами ли старшаго возраста, съ допущеніемъ предположенія, что онъ желалъ быть у нихъ на содержаніи. Полицейское управленіе отвѣтило, что Чинскій велъ со времени своего знакомства съ баронессой очень уединенный образъ жизни, и что, кромѣ знакомства съ Вьецинской, другихъ дамъ у него не было. Далѣе на вопросъ защитника свидѣтель не отрицаетъ, что онъ послалъ суду въ Дрезденѣ отдѣльное требованіе о допросѣ нѣкоей баронессы фонъ-Бломэ и добавляетъ: „По окончаніи предварительнаго слѣдствія я получилъ весьма обширное заявленіе отъ баронессы Бломэ, въ которомъ она излагаетъ, что Чинскій, при помощи гипнотизма, старался оказать на нее вліяніе, касался ея колѣнъ и смотрѣлъ ей въ глаза. Въ это время баронесса Бломэ, какъ это уже однажды случилось съ ней, была помѣщена въ заведеніе для душевно-больныхъ“.

Экспертъ д-ръ фонъ-Шренкъ объясняетъ, что эти заявленія баронессы были впослѣдствіи пере-

даны ему; въ нихъ баронесса Бломэ утверждаетъ, что Чинскій внушилъ ей, во 1-хъ, купить кольцо цѣною въ 300 мар. и подарить его обвиняемому; во 2-хъ, купить платье и подарить его Вьецинской и, въ 3-хъ, поѣхать съ нимъ въ Байрейтъ,—и что она все это исполнила. Свидѣтель Арнольдъ замѣчаетъ, что онъ отказался отъ допроса баронессы Бломэ въ виду ея ненормальнаго состоянія, а прокуроръ добавляетъ, что онъ въ обвинительномъ актѣ ничего не упомянулъ объ аферѣ Бломэ ввиду невозможности установить фактъ, является ли это состояніе слѣдствіемъ умственнаго помѣшательства, или слѣдствіемъ пользованія Чинскаго. Въ Дрезденѣ знакомство этой дамы съ Чинскимъ вызвало сенсацію, и полицейское управленіе заявляло, что съ полицейской точки зрѣнія было бы желательно возбудить противъ Чинскаго дѣло.

Слѣдователь показываетъ далѣе, что предварительное слѣдствіе по второму пункту обвиненія затянулось отъ различныхъ обстоятельствъ. Во время предварительнаго допроса баронессы прокуроръ заявилъ, что, въ случаѣ подозрѣнія, не дѣйствовалъ ли Чинскій на нее путемъ внушенія, всѣ акты дознанія должны вновь быть представлены прокуратурѣ для предъявленія дополнительнаго обвиненія. Поэтому при допросѣ баронессы Цедлицъ былъ приглашенъ, въ качествѣ эксперта, д-ръ Грашей. Послѣдній выражалъ тогда желаніе, чтобы баронесса сама написала свою біографію, а чтобы другую біографію написало какое-нибудь третье лицо (напр., ея братъ); эти біографіи со всѣмъ обвинительнымъ матеріаломъ были переданы д-ру Грашей для обсужденія вопроса, до какой степени гипнотическое воздѣйствіе могло повліять на ум-

ственное и духовное состояніе баронессы. Уже раньше экспертиза д-ра Грашей клонилась къ тому, что Чинскій, путемъ гипноза, повліялъ на баронессу; слѣдственные акты поэтому были вновь представлены прокуратурѣ, которая дополнила обвинительный актъ обвиненіемъ въ преступленіи противъ нравственности; въ виду этого, вторичный допросъ свидѣтелей затянулся на болѣе продолжительное время. Виновникомъ же дальнѣйшаго замедленія предварительнаго слѣдствія былъ самъ Чинскій. Я уже въ іюлѣ мѣсяцѣ хотѣлъ закончить предварительное слѣдствіе и потребовать окончательное заключеніе д-ра Грашей, какъ получилъ отъ Чинскаго объемистый пакетъ на имя министра юстиціи. Согласно долгу службы, я вскрылъ конверть; бумаги, за немногими исключеніями, были написаны по французски; въ числѣ ихъ были письма: одно на имя министра юстиціи, второе—на имя баронессы и третье на итальянскомъ языкѣ на мое имя. Въ послѣднемъ Чинскій дѣлалъ мнѣ различные упреки и сразу же заявилъ, что въ тотъ моментъ, когда я буду читать это письмо, то его уже не будетъ въ живыхъ. 4-ое письмо было на имя „высокаго протектора“ подсудимаго въ Лондонѣ; оно состояло исключительно изъ цифръ на трехъ страницахъ. Черезъ день или нѣсколько дней спустя по полученіи этого письма я дѣйствительно получилъ отъ тюремнаго надзирателя донесеніе, что Чинскій сдѣлалъ попытку къ самоубійству. Вслѣдствіе этого его помѣстили въ домъ для умалишенныхъ съ цѣлью наблюденія за состояніемъ его умственныхъ способностей. Такимъ поведеніемъ, которое могло возбудить сомнѣніе въ состояніи его умственныхъ способностей, Чинскій затормо-

зилъ слѣдствіе; впослѣдствіи онъ снова подалъ прокуратурѣ заявленіе, что онъ теперь назоветъ фамиліи своихъ покровителей, одного графа въ Вѣнѣ и одного князя въ Лембергѣ,—благодаря чему эти личности, конечно, разыскивались.

Свидѣтель, тюремный врачъ, надворный совѣтникъ д-ръ Марціусъ показываетъ, что Чинскій съ самаго начала былъ очень возбужденъ, такъ что къ нему въ камеру пришлось помѣстить товарища. 14 іюня, послѣ того какъ этотъ товарищъ былъ выпущенъ на свободу, Чинскій между 11—12 час. дня сдѣлалъ попытку покончить съ собой, причинивъ себѣ осколкомъ стекла довольно глубокую рѣзаную рану у лѣваго локтя *) и отъ 20 до 30 поверхностныхъ царапинъ. Свидѣтель нашелъ Чинскаго въ крови и въ обморочномъ состояніи, но при довольно нормальномъ пульсѣ. Пришедши въ себя, онъ сказалъ, что хочетъ умереть. По истеченіи недѣли его раны зажили. Его вновь помѣстили на 6 недѣль въ домъ для умалишенныхъ на испытаніе; по возвращеніи своемъ въ тюрьму онъ былъ еще въ довольно возбужденномъ состояніи и страдалъ продолжительной безсонницей. На вопросъ прокурора, Марціусъ отвѣчаетъ: „Чинскій вѣроятно зналъ, что около полудня врачъ обыкновенно бывалъ въ стѣнахъ тюрьмы". Чинскій энергично протестуетъ противъ того, что онъ не имѣлъ серьезнаго намѣренія покончить съ собой, но онъ могъ сдѣлать эту попытку только послѣ удаленія своего товарища по камерѣ. Марціусъ добавляетъ, что онъ

*) Такимъ порѣзомъ лишить себя жизни нельзя: это знаетъ каждый докторъ. Слѣдовательно, Чинскій или симулировалъ самоубійство, или не имѣетъ никакихъ познаній по медицинѣ.

Примѣч. перев.

БИБЛИОТЕКА
Московского
Юридического Общества

Процессъ Чинскаго.

Введеніе.

Большая сенсація, вызванная повсюду въ Германіи процессомъ Чинскаго, должна быть приписана главнымъ образомъ тому обстоятельству, что въ этомъ дѣлѣ нѣмецкій судъ, при участіи присяжныхъ засѣдателей, впервые долженъ былъ высказаться по вопросу о возможности совершить преступленіе при помощи гипнотическаго внушенія. Процессъ длился четыре дня; первая часть процесса, богатая высоко драматическими моментами, сдѣлалась предметомъ подробнѣйшаго обсужденія во всѣхъ нѣмецкихъ газетахъ; 2-ая часть процесса, протекавшая при закрытыхъ дверяхъ, возбудила вполнѣ понятное любопытство публики. Несмотря на закрытіе дверей, отрывки экспертизы и преній сторонъ проникли въ прессу, и при томъ въ тѣхъ самыхъ выраженіяхъ, какъ они излагались на судѣ. Тѣ пункты, которые повели къ закрытію дверей судебнаго засѣданія, по возможности избѣгались составителями этой брошюры, тѣмъ болѣе, что они не имѣли принципіальнаго значенія въ вопросѣ о гипнозѣ.

наблюдалъ у подсудимаго тоническія и клоническія судороги.

Въ качествѣ слѣдующаго свидѣтеля допрашивается придворный золотыхъ дѣлъ мастеръ Павелъ Меркъ, который показываетъ слѣдующее: „Я познакомился съ подсудимымъ 26 января 1894 г., когда онъ заказалъ вѣнчальныя кольца, послѣ того, какъ наканунѣ баронесса заказала обручальныя кольца. 8 февраля Чинскій пришелъ за кольцами и отъ имени баронессы настоятельно просилъ меня придти въ два часа пополудни въ гостинницу «Europäischer Hof.». Онъ между прочимъ спрашивалъ меня, нѣтъ ли у меня распятія, и когда я ему показывалъ свое собственное распятіе изъ моей квартиры, то онъ сказалъ, что оно не годится. Я потомъ освѣдомлялся по телефону у оберкельнера гостинницы, для какой надобности меня приглашаютъ туда, и получилъ отвѣтъ, что баронессѣ необходимо переговорить со мной. Когда я прибылъ въ гостинницу, Чинскій попросилъ меня быть свидѣтелемъ при предстоящемъ вѣнчаніи его съ баронессой. Я видѣлъ Вартальскаго въ ризѣ протестантскаго священника съ молитвенникомъ въ рукѣ, бормочащимъ какія то непонятныя слова. Много времени для разсужденій у меня не было, и такъ какъ я зналъ фамилію и званіе баронессы, а также видѣлъ, что она выходитъ замужъ по доброй волѣ, то я рѣшился оказать ей эту услугу. Обрядъ былъ совершенъ въ строго ритуальной формѣ, только мнѣ бросилось въ глаза, что придерживались больше католическаго ритуала, между тѣмъ какъ Вартальскій явился въ одѣяніи протестантскаго священника. Но я полагалъ, что существуютъ различныя секты, обряды которыхъ я не знаю. Вартальскій произнесъ очень красивую,

даже трогательную рѣчь, указывая на серьезный шагъ, предпринятый баронессой. Послѣ этого онъ обмѣнялъ кольца и благословилъ новобрачныхъ. Послѣ вѣнчанія священникъ предложилъ присутствующимъ подписаться на документѣ, церковную печать котораго я прочелъ лишь бѣгло, приложилъ печать и убралъ его для занесенія данныхъ въ церковную книгу. Баронесса спросила, получитъ ли она брачное свидѣтельство, на что Вартальскій отвѣтилъ утвердительно. Послѣ этого меня отпустили съ благодарностью. При входѣ въ комнату, назначенную для вѣнчанія, Чинскій представилъ мнѣ Вартальскаго, какъ обыкновенно дѣлаютъ, такъ, что нельзя было разслышать фамилію".

Свидѣтель Климентъ барон фонъ Цедлицъ, братъ баронессы, 37 лѣтъ отъ роду, поручикъ резерва 1-го гвардейскаго полка, служащій въ департаментѣ герольдіи въ Берлинѣ, показываетъ: „8 февраля мой отецъ получилъ изъ Швейцаріи печатное объявленіе моей сестры объ ея обрученіи съ профессоромъ докторомъ фонъ Чинскимъ. Одновременно съ тѣмъ я получилъ письма съ родины отъ родственниковъ, въ которыхъ они выражаютъ свое опасеніе по поводу такого обрученія и, между прочимъ, пишутъ: „Ради Бога, неужели нельзя помѣшать этой свадьбѣ. Лицо это — обыкновенный мошенникъ". Я былъ тогда въ Баденъ-Баденѣ, а мой отецъ, дряхлый и почти слѣпой старикъ — во Франкфуртѣ на Майнѣ. Онъ, между прочимъ, телеграфировалъ: „Все потеряно, они уже обвѣнчаны". Я немедленно поѣхалъ въ Франкфуртъ и сказалъ: „посмотримъ, нельзя ли что нибудь еще сдѣлать, и поѣдемъ въ Мюнхенъ". Это было путешествіе, какого я не желалъ бы своему злѣйшему врагу.

Отецъ мой видѣлъ сестру увезенною уже въ Италію; однимъ словомъ, его мучило ужаснѣйшее предчувствіе. Въ Мюнхенѣ, предъ окномъ купэ, стоялъ изящно одѣтый господинъ, театральной наружности, который немедленно подошелъ къ намъ и представился; это былъ подсудимый. Я еще не встрѣчалъ въ своей жизни такого человѣка, который съ перваго момента внушилъ бы мнѣ такую антипатію къ себѣ; я спрашивалъ себя: „Какъ могла моя сестра вступить въ связь съ такимъ человѣкомъ." Мы отложили переговоры до вечера, поѣхали въ гостиницу и обсуждали, какъ намъ поступить. Мы единогласно рѣшили, что это мошенникъ, отправились на розыски повѣреннаго и, дѣйствительно, нашли человѣка, который помогалъ намъ съ такой изумительной энергіей, которой мы ему никогда не забудемъ; это былъ присяжный повѣренный Гельблингъ. На другой день онъ также присутствовалъ во время нашихъ переговоровъ съ Чинскимъ въ гостинницѣ.

„Послѣдніе начались открытымъ возмущеніемъ подсудимаго по поводу того, что мы пригласили присяжнаго повѣреннаго, и Чинскій выразилъ желаніе поговорить съ нами наединѣ. Г. Гельблингъ вышелъ на короткое время въ сосѣднюю комнату, дверь осталась полуоткрытой и впослѣдствіи, по моему желанію, онъ вернулся назадъ. Такъ какъ подсудимый сдѣлался членомъ нашей семьи такимъ необыкновеннымъ образомъ, то мы вѣдь обязаны были спросить его: „Кто Вы, откуда Вы, сообщите намъ Ваше общественное положеніе". Этого онъ не сдѣлалъ. Онъ забросалъ насъ цѣлымъ потокомъ словъ и не давалъ ни одного прямого отвѣта на наши вопросы. Мы не знаемъ,

какъ поблагодарить присяжнаго повѣреннаго Гельблинга, что онъ настаивалъ на предъявленіи брачнаго свидѣтельства. Еще передъ тѣмъ Чинскій показывалъ намъ свой профессорскій дипломъ, въ подлинности котораго Гельблингъ уже сомнѣвался. Наконецъ, по истеченіи кажется 3-хъ час., онъ показалъ намъ брачное свидѣтельство. Я его прочелъ и передалъ Гельблингу, причемъ подсудимый сказалъ: „Этого Вамъ не слѣдовало бы дѣлать!" Я спросилъ: „почему же?" тогда онъ отвѣчалъ: „Изъ за моей фамиліи". Я сказалъ: „Для насъ безразлично, какъ васъ зовутъ, князь ли Вы, или Ваша фамилія Шульцъ, Миллеръ и т. д., лишь бы Вы были честнымъ человѣкомъ; въ такомъ случаѣ мы ничего не имѣемъ противъ Васъ".

„Переговоры окончились послѣ предъявленія намъ брачнаго свидѣтельства. Гельблингъ сдѣлалъ изъ него выписки и Чинскій удалился. Лишь только онъ ушелъ, Гельблингъ сказалъ, что это несомнѣнно подложное брачное свидѣтельство; Чинскій и безъ того произвелъ на насъ впечатлѣніе мошенника; поэтому мы отправились въ полицію и установили тамъ, что такого прихода при Зальцбургѣ не существуетъ. Для насъ было очень важно избавить сестру, которая жила съ Чинскимъ въ гостинницѣ, отъ волненія и скандала; поэтому арестъ его долженъ былъ произойти по возможности скорѣе. Мой отецъ попросилъ ихъ обоихъ придти къ нему, они пришли, опустились предъ нимъ на колѣни; Чинскій проливалъ слезы, прося отцовскаго благословенія, но имѣлъ въ карманѣ револьверъ. Подъ какимъ-то предлогомъ мы избавились отъ него и онъ спустился внизъ.

какъ поблагодарить присяжнаго повѣреннаго Гельблинга, что онъ настаивалъ на предъявленіи брачнаго свидѣтельства. Еще передъ тѣмъ Чинскій показывалъ намъ свой профессорскій дипломъ, въ подлинности котораго Гельблингъ уже сомнѣвался. Наконецъ, по истеченіи кажется 3-хъ час., онъ показалъ намъ брачное свидѣтельство. Я его прочелъ и передалъ Гельблингу, причемъ подсудимый сказалъ: „Этого Вамъ не слѣдовало бы дѣлать!" Я спросилъ: „почему же?" тогда онъ отвѣчалъ: „Изъ за моей фамиліи". Я сказалъ: „Для насъ безразлично, какъ насъ зовутъ, князь ли Вы, или Ваша фамилія Шульцъ, Миллеръ и т. д., лишь бы Вы были честнымъ человѣкомъ; въ такомъ случаѣ мы ничего не имѣемъ противъ Васъ".

„Переговоры окончились послѣ предъявленія намъ брачнаго свидѣтельства. Гельблингъ сдѣлалъ изъ него выписки и Чинскій удалился. Лишь только онъ ушелъ, Гельблингъ сказалъ, что это несомнѣнно подложное брачное свидѣтельство; Чинскій и безъ того произвелъ на насъ впечатлѣніе мошенника; поэтому мы отправились въ полицію и установили тамъ, что такого прихода при Зальцбургѣ не существуетъ. Для насъ было очень важно избавить сестру, которая жила съ Чинскимъ въ гостинницѣ, отъ волненія и скандала; поэтому арестъ его долженъ былъ произойти по возможности скорѣе. Мой отецъ попросилъ ихъ обоихъ придти къ нему, они пришли, опустились предъ нимъ на колѣни; Чинскій проливалъ слезы, прося отцовскаго благословенія, но имѣлъ въ карманѣ револьверъ. Подъ какимъ-то предлогомъ мы избавились отъ него и онъ спустился внизъ.

Присяжн. пов. Бериштейнъ: „Можетъ быть слова телеграммы: „Все потеряно“ относились къ состоянію? Баронъ фонъ Цедлицъ: „Это такая дерзость, на которую я не отвѣчаю“. Присяжн. пов. Бериштейнъ проситъ предсѣдателя защитить его противъ этой выходки, какъ если бы свидѣтель сказалъ эти слова прокурору или суду (одобреніе публики), и оштрафовать его. Предсѣдатель: „Кого вы имѣли въ виду?“ Свидѣтель: „Того, кто спрашивалъ“. Присяжн. пов. Бериштейнъ: „Я только могу повторить свое ходатайство; подобные нравы у насъ еще не существуютъ“. Предсѣдатель: „Я могу только заявить, что я не одобряю этого выраженія, ибо защитникъ обязанъ задавать вопросы, а если эти вопросы вамъ не нравятся, то прошу васъ избѣгать подобныхъ выраженій. Впрочемъ, въ данномъ случаѣ, я не нахожу основаній къ примѣненію дисциплинарныхъ или полицейскихъ мѣръ. Я предоставляю доброй волѣ защитника добиваться удовлетворенія, если онъ считаетъ себя обиженнымъ“. Присяжн. пов. Бериштейнъ: „Я прошу занести мое ходатайство въ протоколъ; этотъ случай не имѣетъ личнаго характера; я нахожусь здѣсь въ качествѣ представителя цѣлаго сословія. Для приличнаго человѣка, значитъ, уже нѣтъ возможности исполнять въ этомъ залѣ обязанности защитника, не рискуя быть подвергнутымъ безнаказанно оскорбленію. Я настаиваю на удовлетвореніи; не ждать же мнѣ его до возбужденія мною дѣла объ оскорбленіи! Я прошу оштрафовать свидѣтеля по поводу этого выраженія за неприличное поведеніе. Я полагаю, что я имѣю такое же право на это, какъ каждый изъ чиновниковъ. Если что-нибудь подобное случилось бы

съ г. прокуроромъ, то, я полагаю, что онъ энергично отстаивалъ бы свои права". Послѣ короткаго совѣщанія судъ опредѣляетъ: „Принимая во вниманіе, что выраженіе свидѣтеля въ присутствіи суда слѣдуетъ считать неприличнымъ, но что оно заслуживаетъ извиненія ввиду вызваннаго вопросомъ защитника небезосновательнаго раздраженія свидѣтеля, судъ, на основаніи § 179 R. — G — U — G, постановилъ: оштрафовать свидѣтеля на 5 марокъ". Одновременно съ этимъ предсѣдатель объявилъ отъ имени суда, что въ случаѣ новаго изъявленія одобренія или неодобренія со стороны публики, залъ будетъ очищенъ совершенно, и входъ будетъ открытъ только тѣмъ лицамъ, которымъ это разрѣшитъ судъ. Предсѣдатель продолжаетъ: „каждый человѣкъ соблюдаетъ свои имущественные интересы,—это естественно; поэтому я прошу свидѣтеля отвѣчать на вопросы". Свидѣтель баронъ Цедлицъ: Подъ „все потеряно" я подразумѣвалъ, что они уже обвѣнчаны, т. е. что сестра уже находится въ рукахъ мошенника. Я вовсе не относилъ своихъ словъ къ личности защитника, ибо къ его чести будь сказано, что онъ лично не питалъ противъ меня такого подозрѣнія, но я видѣлъ въ его лицѣ подсудимаго, который приписываетъ мнѣ подобную низость. Что касается имущественнаго состоянія сестры, то я долженъ сказать, что мы, послѣ ареста подсудимаго, постарались уговорить мою сестру стать добровольно, такъ сказать, подъ нашу опеку, давъ въ этомъ особую подписку (по закону она, конечно, не имѣла значенія, такъ какъ моя сестра совершеннолѣтняя); сдѣлали мы это по той причинѣ, что мы были увѣрены въ томъ, что подсудимый обратилъ на

сестру вниманіе только изъ-за ея состоянія, и если бы мы не вмѣшались въ это дѣло, то, въ концѣ-концовъ, она осталась бы безъ копѣйки. Но это было бы, слава Богу, не самое страшное, такъ какъ мое имущественное положеніе позволило бы мнѣ оказать ей самую широкую поддержку и я никогда не оставилъ бы свою сестру. Мы имѣли ввиду только ограничить сестру въ правѣ свободнаго распоряженія своимъ имуществомъ, такъ какъ боялись, что, находясь подъ гипнотическимъ вліяніемъ подсудимаго, она отдастъ ему, преступнику, всѣ деньги; мы вовсе не хотѣли лишить ее состоянія, а хотѣли только сохранить его для нея; она, понятно, могла распоряжаться процентами по своему усмотрѣнію; мы желали обезпечить неприкосновенность капитала".

Чинскій: „О любви къ сестрѣ ничего не говорится; говорится только о состояніи; но оно попадаетъ не въ мои, а въ его руки. Поэтому онъ и угрожалъ сестрѣ домомъ для умалишенныхъ". Д-ръ фонъ-Шренкъ спрашиваетъ свидѣтеля, въ какомъ состояніи нашелъ онъ свою сестру непосредственно послѣ ареста Чинскаго, произвела ли она на него впечатлѣніе влюбленной или же находящейся подъ вліяніемъ ненормальнаго давленія? Свидѣтель: „Безусловно послѣднее; мало-по-малу она опять оправилась. Я ожидалъ, что у нея, какъ у особы изъ порядочной семьи, немедленно пройдетъ любовь, какъ только она убѣдится въ томъ, что она была обманута. Вмѣсто этого, она все еще стояла за него. Она произвела на меня впечатлѣніе особы, находящейся въ состояніи моральной слабости". Д-ръ фонъ-Шренкъ: „Была ли она вообще способна проявить какой-либо интересъ къ жизни". Свидѣ-

тель: „Она только говорила, что не хочетъ осуждать подсудимаго. Она очень самостоятельна; въ этомъ виновато воспитаніе ея бабушки, которая развивала въ ней самосознаніе до такой степени, что это переходило уже границы дозволеннаго“... Д-ръ Шренкъ: „Не находилась ли она подъ вліяніемъ своей компаньонки?“ Свидѣтель: „Моя сестра воображаетъ, что она самостоятельна; не берусь судить о томъ, до какой степени это вѣрно, но я подозрѣваю, что компаньонка имѣетъ на нее сильное вліяніе во всѣхъ отношеніяхъ“.

Проф. Прейеръ: „Разсказывала ли она вамъ послѣ ареста Чинскаго, какія манипуляціи онъ ей продѣлывалъ?“ Свидѣтель: „Я не могу этого припомнить; впрочемъ да,—она говорила, что онъ клалъ ей руки на животъ“... Проф. Прейеръ: „Если не ошибаюсь—освобожденіе отъ остававшагося въ воображеніи вліянія наступило только тогда, когда отъ нея отобрали талисманъ (кольцо)“. Д-ръ Шренкъ: „Припомните, пожалуйста,—Вы просили меня повліять на вашу сестру съ цѣлью возможно скораго парализованія вліянія подсудимаго; я этого не могъ исполнить въ виду скораго отъѣзда и т. п. Я вамъ тогда еще говорилъ, что если дѣло идетъ дѣйствительно о принужденіи, а не о любви, то первое впослѣдствіи само собой пройдетъ“. Свидѣтель: „Да, это вѣрно“. Д-ръ Бернштейнъ: „Когда вы настаивали передъ сестрой объ отказѣ ея отъ своего состоянія?“ Свидѣтель: „На 3-й день послѣ ареста Чинскаго, когда она была въ гостинницѣ“. Предсѣдатель: Развѣ вы хотѣли, чтобы она уступила вамъ свои права на состояніе?“ Свидѣтель: „Только свободное распоряженіе имъ,

и чтобы она подчинилась извѣстному контролю. Мы не имѣемъ права на ея состоянiе".

По предложенiю прокурора, допрашивается вызванный дополнительно присяжный повѣренный Гельблингъ. Свидѣтель докладываетъ о предпринятыхъ имъ, по порученiю обоихъ бароновъ Цедлицъ, шагахъ для констатированiя факта фиктивнаго вѣнчанiя и т. д.: „Подсудимый произвелъ на меня впечатлѣнiе фокусника; чѣмъ дальше я его наблюдалъ и разговаривалъ съ нимъ, тѣмъ больше я убѣждался въ томъ, что имѣю передъ собою мошенника, и когда предъявленiе доказательствъ вѣнчанiя все откладывалось, я сказалъ подсудимому: „Или вы подлецъ, или проходимецъ, или..." (подсудимый взываетъ къ защитѣ суда. Предсѣдатель заявляетъ: „Свидѣтель только повторяетъ то, что онъ вамъ сказалъ въ лицо"). Убѣдившись въ подложности брачнаго свидѣтельства, мы съ барономъ Цедлицъ немедленно обратились къ полицiи. Полицiймейстеръ Бауэръ первоначально посмотрѣлъ на это дѣло немного скептически, выразивъ свое удивленiе по поводу того, какимъ образомъ такая дама, какъ баронесса Цедлицъ, могла приблизить къ себѣ такого человѣка, какъ подсудимый. Благодаря полицейскимъ розыскамъ, личность подсудимаго вскорѣ была всесторонне освѣщена.

„Нѣкоторое время спустя послѣ ареста Чинскаго еще 18 февраля баронесса утверждала, что она его любитъ и не оставитъ его. Оба барона Цедлицъ показались мнѣ аристократами въ полномъ смыслѣ этого слова. Они оба заявили мнѣ, что для нихъ безразлично такъ называемое „mesalliance", что имущественное положенiе г. Чинскаго не играетъ

для нихъ никакой роли, лишь бы это былъ честный человѣкъ. Я прекрасно понялъ моральную сторону дѣла. Они не хотѣли, чтобы дочь и сестра была связана съ такимъ подозрительнымъ, имѣющимъ на нее вліяніе человѣкомъ, всѣ старанія котораго клонились лишь къ лишенію ея всего состоянія. Я объяснилъ баронессѣ, что договоръ, касающійся отказа Чинскаго отъ права распоряженія ея имуществомъ, не болѣе не менѣе какъ грубый фортель. Я никогда не слышалъ о томъ, чтобы принуждали баронессу къ отдачѣ своего состоянія въ руки отца или брата, которые оба прекрасно обезпечены; рѣчь шла только о томъ, чтобы она уступила право управленія имуществомъ". Свидѣтель прочитываетъ переданное ему отцомъ баронессы письмо послѣдней къ отцу отъ 12 февраля 1894 г., доказывающее, что отношенія между отцомъ и дочерью были самыя лучшія.

„Послѣ того какъ баронъ Цеглицъ старшій узналъ, что дочь его обманута, онъ, конечно, долженъ былъ предпринять всѣ мѣры къ ея реабилитаціи. Я объяснилъ баронессѣ, что она, собственно говоря, только сожительница Чинскаго, и что такое положеніе для дамы изъ общества ужасно; на это она довольно рѣшительно отвѣтила: „Я люблю Чинскаго!... Онъ джентльменъ, онъ меня не обманывалъ, это все невѣрно. Христосъ простилъ распятыхъ преступниковъ, почему бы и мнѣ не простить его?" При такихъ условіяхъ я отказался отъ дальнѣйшаго разговора".

Вслѣдъ за тѣмъ вновь допрашивается баронъ Климентъ Цеглицъ и баронесса Ядвига Цеглицъ. Послѣдняя показываетъ, что она никогда въ жизни не имѣла никого, кому бы она могла довѣриться

Изложеніе обстоятельствъ дѣла касается, главнымъ образомъ, важнѣйшихъ для экспертизы моментовъ и трактуетъ обо всемъ остальномъ лишь настолько, насколько это необходимо для пониманія всего процесса.

Въ газетныхъ извѣстіяхъ (Augsburger Abendzeitung, № 348 bis 352 и Neueste Nachrichten, № 583 bis 595) мы находимъ, наряду съ неточностями, цѣлые отдѣлы, дословно стенографированные во время засѣданія. Составители воспользовались этими данными, не указывая постоянно источниковъ, и объединили ихъ на основаніи своихъ собственныхъ замѣтокъ.

вполнѣ; что она такъ много узнала о своемъ отцѣ отъ своего дѣда и бабушки и имѣетъ столько доказательствъ отсутствія любви со стороны перваго къ послѣднимъ, что она не можетъ довѣрять ему, но что, послѣ возмутительнаго обращенія съ ней въ гостинницѣ, она потеряла послѣднюю искру довѣрія къ отцу; ибо если дочери и сестрѣ угрожаютъ заключеніемъ въ домъ для умалишенныхъ или взятіемъ подъ опеку, если та не подпишетъ отказа отъ права распоряженія своимъ имуществомъ въ пользу отца и брата, то она не можетъ питать никакого довѣрія къ своимъ роднымъ. Баронъ Ка. Цедлицъ: „Я могу сказать только одно, что мы желали ей добра".

Вслѣдъ затѣмъ присяжный повѣренный Бернштейнъ ходатайствуетъ о прочтеніи автобіографіи баронессы Цедлицъ (составленной ею по иниціативѣ судебнаго слѣдователя, какъ онъ заявилъ объ этомъ сегодня утромъ), хотя баронесса и воспротивилась прочтенію мѣстъ, трактующихъ о лицахъ, бывшихъ ей нѣкогда близкими. Проф. Прейеръ спрашиваетъ, сочинила ли баронесса свою біографію одна, или при участіи компаньонки? Свидѣтельница: „Совершенно одна; моя компаньонка при этомъ не присутствовала". Проф. Гиртъ обращаетъ вниманіе суда на то, что біографія написана въ мартѣ мѣсяцѣ и можетъ имѣть лишь относительное значеніе, ввиду того, что пользованіе баронессы гипнотизмомъ имѣло мѣсто въ промежутокъ времени съ октября по декабрь мѣсяцы. Проф. Грашей придерживается такого же мнѣнія. Къ нему присоединяется также д-ръ фонъ-Шренкъ, который добавляетъ, что лица, даже находящіяся подъ вліяніемъ внушенія, въ состояніи сочинять

автобіографіи. Проф. Прейеръ подтверждаетъ это, ссылаясь на примѣръ изъ его практики: „Я также уговорилъ даму изъ лучшаго общества написать автобіографію; она составила таковую изумительно ясно, хотя находилась въ состояніи, подобномъ разсматриваемому. Ни мы, ни присяжные засѣдатели не должны придавать этой автобіографіи слишкомъ большого значенія". Прокуроръ предлагаетъ отклонить всѣ ходатайства защиты, такъ какъ біографія не можетъ служить доказательствомъ вообще. Проф. Прейеръ спрашиваетъ баронессу, носила ли она еще талисманъ во время составленія біографіи. Свидѣтельница: „Да, кольцо было еще на моей рукѣ". Проф. Прейеръ: „Я больше не имѣю вопросовъ". Судъ удаляется для совѣщанія по поводу ходатайства защиты; объявляется получасовой перерывъ.

По возвращеніи въ залу засѣданія, судъ объявляетъ объ удовлетвореніи ходатайства защитника, а также и о допросѣ баронессы Цедлицъ относительно описанныхъ въ біографіи фактовъ; въ виду интимнаго характера нѣкоторыхъ сторонъ біографіи, засѣданіе продолжается при закрытыхъ дверяхъ въ присутствіи лишь чиновъ министерства. Прочтеніе автобіографіи и допросъ баронессы занимаютъ 1½ ч., послѣ чего двери зала засѣданія вновь объявляются открытыми для лицъ, имѣющихъ право входа.

Въ качествѣ слѣдующихъ свидѣтелей допрашивается комиссаръ Лорцъ. Онъ вмѣстѣ съ комиссаромъ Шмидомъ по приказанію начальства произвели арестъ Чинскаго. Свидѣтель показываетъ: „Насъ предостерегали, что Чинскій имѣетъ при себѣ револьверъ и ядъ. Когда мы подошли къ гостинницѣ, гдѣ остановился баронъ фонъ-Цедлицъ, то

Чинскій съ баронессой были уже тамъ. Онъ вскорѣ вышелъ изъ гостинницы и мы слѣдовали за нимъ. На мѣстѣ стоянки дрожекъ, на площади Карла мы поравнялись съ нимъ. Шмидъ взялъ его справа, а я слѣва, потомъ мы на дрожкахъ поѣхали въ полицію. Арестъ состоялся безъ всякаго шума. При первоначальномъ допросѣ, снимаемомъ комиссаромъ Шмидомъ, Чинскій, по удостовѣреніи личности, отказался отъ дальнѣйшаго показанія. Еще въ тотъ же день мы со Шмидомъ получили приказаніе произвести обыскъ въ гостинницѣ. При обыскѣ мы нашли въ сюртукѣ Чинскаго еще второе брачное свидѣтельство съ печатью въ правомъ углу. 18 февраля 1904 г. я допрашивалъ Чинскаго; онъ сознался въ фиктивномъ вѣнчаніи его съ баронессой и указалъ на Вартальскаго, какъ на лицо, фигурировавшее во время вѣнчанія въ качествѣ священника".

Потомъ допрашивается ровесница баронессы Цедлицъ, въ продолженіи многихъ лѣтъ находившаяся въ ея услуженіи, разведенная Елизавета Рудольфъ, относительно связи подсудимаго съ баронессой. Свидѣтельница—высокая, худощавая дама съ острымъ профилемъ, въ пенсне, говоритъ очень тихо, но развязно: „Я разъ въ обществѣ баронессы пришла въ клинику Чинскаго, но при консультаціи я не присутствовала". На вопросъ, не замѣтила ли она въ это время у баронессы какихъ-либо психическихъ измѣненій, она отвѣчаетъ: „Она сдѣлалась болѣе веселой. Только послѣ обрученія баронесса сообщила мнѣ подъ строгимъ секретомъ о своихъ сношеніяхъ съ Чинскимъ; это скрываніе не понравилось мнѣ и я возстала противъ этого, но напрасно. Я провожала баронессу въ Вайдъ; казалось, какъ

будто торопились со свадьбой, что меня безпокоило, но баронесса успокоила меня заявленіемъ о необходимости сохраненія тайны изъ за „политическихъ соображеній". Въ Мюнхенѣ меня заставили дать клятву, что я свято сохраню тайну княжескаго происхожденія Чинскаго; послѣ этого я охотно помогала ему при подготовленіяхъ къ вѣнчанію и не видѣла ничего подозрительнаго ни въ личности священника, ни въ обрядахъ, тѣмъ болѣе, особенно, послѣ полученія поздравительной телеграммы отъ Кальноки.

„До посвященія меня въ вышеупомянутую тайну я чувствовала какую то неловкость передъ баронессой. Вартальскій мнѣ также говорилъ о политической тайнѣ и о томъ, что Чинскій, кромѣ того, имѣетъ еще какое-то порученіе отъ австрійскаго правительства". На вопросъ прокурора свидѣтельница отвѣчаетъ: „Пользующій баронессу въ Вайдѣ врачъ какъ то во время разговора дѣйствительно говорилъ мнѣ, что отношенія между баронессой и Чинскимъ показались ему „внушенной любовью". Мнѣ самой это тоже казалось. Что касается психическихъ измѣненій въ баронессѣ, то я лишь замѣтила, что она со времени знакомства съ подсудимымъ стала болѣе веселой и общительной". На о просы экспертовъ свидѣтельница заявляетъ, что у нея составилось такое впечатлѣніе, какъ будто любовь „не настоящая". Въ письмѣ баронессы (при изложеніи сцены, имѣвшей мѣсто между ней и компаньонкой) говорится о выраженіи послѣдней, въ которомъ г-жа Рудольфъ свѣтуетъ на то, „что ея повелительница находится всецѣло во власти гипнотизера". Свидѣтельница при этомъ не подразумѣвала спеціальныхъ гипнотическихъ манипуляцій Чинскаго.

Въ томъ же письмѣ баронесса разсказываетъ, что г-жа Рудольфъ въ письмѣ къ ней написала, что Чинскій однажды посмотрѣлъ на нее „какъ гипнотизеръ на свою жертву". Баронесса покраснѣла подъ этимъ взглядомъ. Она не чувствовала усталости послѣ консультацій. „По моему, это очень самостоятельная натура". На просьбу проф. д-ра Грашей разъяснить ему выдержку изъ письма свидѣтельницы, въ которой послѣдняя упоминаетъ о прежней любви баронессы и о совершенно другомъ ея поведеніи при этомъ, и что это было за поведеніе, свидѣтельница отвѣчаетъ уклончиво: „каждая женщина когда нибудь да и любила". Предсѣдатель: „И на этомъ, совершенно не похожемъ въ томъ и другомъ случаѣ поведеніи баронессы, вы построили свое мнѣніе о томъ, что любовь къ Чинскому „не настоящая". Свидѣтельница: „Да". Прис. пов. Бериштейнъ: „Сколько лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, не 15-ли?" Свидѣтельница дѣлаетъ отрицательный жестъ. Проф. Прейеръ спрашиваетъ, не произвела ли баронесса на свидѣтельницу передъ обрученіемъ впечатлѣнія, какъ будто она съ удовольствіемъ сообщила бы ей кое-что? Свидѣтельница: „Это да; но она вообще всегда была скрытной". Проф. Прейеръ: „Не показалось ли вамъ, что перемѣну въ настроеніи и желаніе сообщить вамъ что-то слѣдуетъ приписывать вліянію извнѣ или внутреннему процессу?" Свидѣтельница: „Я полагаю, что перемѣну настроенія слѣдуетъ приписать вліянію Чинскаго".

Баронъ Цедлицъ младшій проситъ слова и заявляетъ: „Во время пребыванія нашего въ Мюнхенѣ г-жа Рудольфъ пришла къ намъ въ сильномъ волненіи и сказала: „Я знаю, что вы хотите разъ-

единить эту пару; ради Бога не дѣлайте этого, иначе онъ убьетъ и ее и себя, и вы потеряете свою сестру". Мы упрекали ее въ томъ, что она раньше не извѣстила насъ обо всемъ, на что она сказала: „Дѣйствительно, я поняла, что въ этой свадьбѣ кроется преступленіе, но я не могла поступить иначе и должна была допустить это. Вы не повѣрите, какой силой обладаетъ этотъ человѣкъ; берегитесь, если онъ придетъ къ вамъ; онъ держитъ всѣхъ въ рукахъ". Свидѣтельница оспариваетъ приписываемыя ей выраженія и утверждаетъ, что она сказала: „пощадите только баронессу, во избѣжаніе скандала". Свидѣтель Цедлицъ младшій: „Не помните ли вы, когда я васъ спрашивалъ, какъ вы могли допустить это, то вы сказали: „Да этого я сама не знаю; какъ будто невидимая сила помѣшала мнѣ дѣйствовать". Г-жа Рудольфъ: „Развѣ я это говорила? Этого я не помню; я думаю, что нѣтъ".

Д-ръ Шренкъ спрашиваетъ, не вынесла ли свидѣтельница впечатлѣнія, какъ будто подсудимый во время своихъ посѣщеній пытался повліять вліядомъ или еще чѣмъ-либо и на нее, о чемъ она намекнула въ своихъ показаніяхъ на предварительномъ слѣдствіи. Г-жа Рудольфъ: „Онъ никогда не могъ смотрѣть мнѣ прямо въ глаза; онъ опускалъ глаза, когда наши взгляды встрѣчались". Д-ръ Шренкъ: „Вы характеризовали любовь ихъ какъ ненормальную. Касалось ли это только соблюденія тайны ихъ отношеній, т. е. получили ли вы впечатлѣніе, что послѣ открытія таковой эта ненормальность отпала, или же вамъ показалось, что баронесса находится подъ давленіемъ чужой воли?" Свидѣтельница подтверждаетъ послѣднее; въ против-

номъ случаѣ баронесса, насколько она ее знаетъ, наврядъ-ли писала бы Чинскому два—три раза въ день? Прис. пов. Бернштейнъ указываетъ на невѣроятность того обстоятельства, что свидѣтельница, которую баронесса такъ долго не посвящала въ существование связи, имѣла свѣдѣнія о размѣрахъ ея корреспонденціи съ Чинскимъ.

Подсудимый уличаетъ свидѣтельницу въ томъ, что она предложила присяжнаго повѣреннаго Бишопа въ качествѣ свидѣтеля при вѣнчаніи, чего она не отрицаетъ, а также въ томъ, что она, безъ вѣдома баронессы, сообщила обоимъ Цедлицъ о свадьбѣ. Д-ръ Прейеръ спрашиваетъ, не видѣла ли она случайно на баронессѣ металлическаго брелока, талисмана или т. п., и не говорила ли послѣдняя ей, что она носитъ ихъ по приказанію Чинскаго? Свидѣтельница отрицаетъ и то и другое. Прис. пов. Бернштейнъ возвращается къ выраженію свидѣтельницы, а именно: что какъ то разъ Чинскій посмотрѣлъ на баронессу „такъ, какъ гипнотизеръ на свою жертву". „Развѣ вы—спрашиваетъ защитникъ—когда-нибудь уже видѣли гипнотизера, смотрѣвшаго на свою жертву?" Г-жа Рудольфъ: „Да, какъ то разъ во время опытовъ, но это былъ другой взглядъ". Прис. пов. Бернштейнъ: „Но если это былъ другой взглядъ, то это сравненіе неумѣстно. Д-ръ фонъ-Шренкъ старается разъяснить это противорѣчіе тѣмъ, что свидѣтельница, вѣроятно, имѣла въ виду лишь неподвижный, пронизывающій взглядъ. Свидѣтельница соглашается съ этимъ. Далѣе экспертъ спрашиваетъ, не замѣчала ли свидѣтельница у баронессы послѣ посѣщеній Чинскаго какихъ-либо особыхъ явленій, какъ напр., бросающуюся въ глаза

усталость и т. п. Свидѣтельница: „Нѣтъ, я этого никогда не замѣчала". Прис. пов. Бернштейнъ: „Это баронесса говоритъ и сейчасъ!" Экспертъ д-ръ Прейеръ: „Но я понимаю эти слова въ томъ смыслѣ, что она никогда не погружалась въ крѣпкій, болѣе глубокій сонъ; обѣ стороны не отрицаютъ, что это былъ лишь полусонъ. Вѣдь самъ обвиняемый подтвердилъ, что наступала сомноленція. Баронесса, слѣдовательно, не противорѣчитъ истинѣ, говоря, что она никогда не засыпала. Свидѣтельница: „Я ничего не могу больше показать о вліяніи сеансовъ, такъ какъ баронесса ничего мнѣ не разсказывала о нихъ. „Подсудимый подчеркиваетъ, что въ данномъ случаѣ рѣчь можетъ идти объ обыкновенной сонливости, которая предшествуетъ каждому нормальному сну, а не о спеціальной формѣ „somnolence", вызываемой гипнотическимъ путемъ.

Затѣмъ допрашиваютъ свидѣтельницу, какую роль она играла передъ и во время фиктивнаго вѣнчанія: „Я припоминаю, что псевдопасторъ Вертеманъ приложилъ печать къ брачному свидѣтельству, не похожему на то, которое предъявлено мнѣ теперь полиціей. Я, собственно говоря, не хотѣла подписываться въ качествѣ свидѣтельницы, потому что мнѣ не нравилось это секретничанье". Д-ръ Шренкъ: „Не правда ли, вы хотѣли затормозить это дѣло? такъ по крайней мѣрѣ вы показали на предварительномъ слѣдствіи. Потомъ вы говорили, что подсудимый повліялъ на васъ въ обратномъ смыслѣ. Послѣ этого вы отказывались подписаться. Развѣ при этомъ вы вполнѣ владѣли собой?" Свидѣтельница: „Да, конечно, я была въ здравомъ умѣ". Д-ръ Прейеръ: Не касался ли

васъ тогда обвиняемый руками или колѣнями? вѣдь ваше поведеніе было таково, какъ будто вы находились подъ его вліяніемъ?" Прис. пов. Бернштейнъ (предупреждая отвѣтъ свидѣтельницы): „Вы можетъ быть тоже находились въ состояніи отсутствія воли? если да, то пожалуйста говорите!" Свидѣтельница: „Да, безъ воли? этого я не могу сказать; вѣдь это было слишкомъ давно". Пр. пов. Бернштейнъ: „Вы, конечно, какъ каждая женщина, которая собирается на свадьбу, позаботились о своемъ туалетѣ?" Свидѣтельница „Конечно". Прис. пов. Бернштейнъ: „А также и о томъ, чтобы послѣдній былъ готовъ своевременно?" Свидѣтельница: „Конечно". Прис. пов. Бернштейнъ: „Ну вотъ видите!".

Въ виду поздняго времени, объявленъ перерывъ засѣданія до слѣдующаго дня.

3-й день процесса.

19 декабря продолжается допросъ свидѣтельницы Рудольфъ. Д-ръ Прейеръ: „Я хочу еще разъ допросить свидѣтельницу, въ какомъ она находилась состояніи, когда подписывала брачное свидѣтельство, и взвѣсила-ли она всѣ послѣдствія, или-же она подписала, слѣдуя непреодолимому давленію, послѣ того какъ она протестовала противъ этой связи, предвидя несчастье. Далѣе—не смотрѣлъ-ли передъ тѣмъ обвиняемый болѣе продолжительное время на нее—или не поговорилъ-ли съ ней въ убѣдительномъ тонѣ?" Свидѣтельница: „Я подписывала дрожащей рукой. Я не знаю, смотрѣлъ-ли Чинскій на меня; утромъ мы говорили съ нимъ о нѣкоторыхъ вещахъ. Я вѣдь должна была подписать". Д-ръ Шренкъ: „Намъ слѣдуетъ различать: во 1-хъ, нормальное состояніе, въ которомъ кто нибудь находится, и, во 2-хъ, градацію этого состоянія подъ вліяніемъ какихъ либо моментовъ. Можете ли вы (обращаясь къ свидѣтельницѣ) указать на какое-нибудь исключительное вліяніе на васъ со стороны подсудимаго, которое повышало Ваше нормальное состояніе? Свидѣтельница: „Нѣтъ—я не могла поступить иначе. Я должна была подписаться и я сдѣлала это дро-

Изложеніе процесса.

17—20 декабря 1894 года въ Мюнхенскомъ судѣ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей слушалось дѣло объ уроженцѣ царства Польскаго бывшемъ учителѣ французскаго языка, впослѣдствіи гипнотизерѣ и магнетизерѣ Чеславѣ Чинскомъ. Дѣло вызвало большой интересъ не только въ широкихъ слояхъ общества въ виду романтической подкладки всего процесса, но и во всемъ медицинскомъ мірѣ въ виду сопровождающихъ его особыхъ обстоятельствъ. Суть дѣла заключается въ обольщеніи дамы изъ высшаго круга съ послѣдующимъ затѣмъ фиктивнымъ вѣнчаніемъ. Подсудимый обвиняется въ томъ, что, дѣйствуя на эту даму гипнотизмомъ, онъ, при помощи внушенія, заставилъ ее вступить съ нимъ въ самыя интимныя отношенія. На основаніи экспертизы доктора Грашея, прокуратура пришла къ заключенію, что поведеніе этой дамы объяснимо лишь вліяніемъ гипноза, въ силу котораго ея личная воля была совершенно подавлена. Обвиняемый отрицаетъ свое гипнотическое вліяніе на эту даму.

Обвиняемый, — бывшій учитель французскаго языка, гипнотизеръ и магнетизеръ, Чеславъ Любичъ Чинскій, родился въ 1858 году въ Турценкѣ Варшавской губерніи. До 1890 года онъ жилъ въ

жащей рукой. Д-ръ Шренкъ: „Вы, слѣдовательно, чувствовали внутреннее сопротивленіе“? Свидѣтельница: „Да,—подсудимый самъ долженъ знать, насколько онъ повліялъ на меня“.

Д-ръ Прейеръ: Чтобы господа присяжные засѣдатели не подумали, что мои вчерашнія сомнѣнія носили лишь субъективный характеръ, я долженъ заявить, что я пришелъ къ своему заключенію именно на основаніи почерка свидѣтельницы. Въ теченіе многихъ лѣтъ я серьезно занимался изученіемъ почерковъ и пришелъ къ заключенію, что почеркъ въ брачномъ свидѣтельствѣ принадлежитъ лицу, не вполнѣ обладающему свободной волей. Это побудило меня поставить такіе вопросы и я хочу теперь услышать, о чемъ именно говорилъ въ этотъ день подсудимый свидѣтельницѣ передъ вѣнчаніемъ?“ Свидѣтельница: „Въ точности я этого не могу припомнить“. Проф. Прейеръ: „Не касался-ли этотъ разговоръ подписи или, быть можетъ, пріятной будущности? Не были-ли это обѣщанія?“ Свидѣтельница: „Нѣтъ, онъ взялъ меня за руку и просилъ меня быть ему и баронессѣ сестрой; (на вопросъ прис. пов. Бернштейна): это было утромъ въ день вѣнчанія. Въ промежутокъ времени до вѣнчанія я сдѣлала всѣ необходимыя приготовленія“. Прис. пов. Бернштейнъ: „Вы не сдѣлали при этомъ никакихъ промаховъ?“ Свидѣтельница: „Нѣтъ“.

Чинскій проситъ предложить д-ру Прейеру вопросъ, считаетъ-ли онъ необходимымъ, чтобы извѣстное лицо непремѣнно находилось въ состояніи гипнотическаго сна для полученія отъ гипнотизера какого либо приказанія. Предсѣдатель заявляетъ, что это теоретическій вопросъ, который

подлежитъ экспертизѣ, и не можетъ быть въ настоящее время предметомъ обсужденія суда. Д-ръ Прейеръ благодаритъ предсѣдателя за это замѣчаніе, которое совершенно соотвѣтствуетъ его взглядамъ, и добавляетъ, что на этотъ важный вопросъ онъ дастъ въ своей экспертизѣ опредѣленный отвѣтъ. Чинскій: „Это одинъ изъ главнѣйшихъ вопросовъ, такъ какъ экспертъ говоритъ, что можно давать приказанія и внѣ гипнотическаго сна, и я также утверждаю: „г-жа Рудольфъ находится здѣсь подъ гипнотическимъ вліяніемъ эксперта".

Д-ръ Шреикъ: „Вѣрите-ли вы въ причинную связь между волнующей васъ сценой съ обвиняемымъ и вашей безпомощностью при подписаніи брачнаго свидѣтельства?" Свидѣтельница: „Этого я не знаю. Въ тотъ моментъ я чувствовала себя совершенно безпомощной, я только все время повторяла — о моя голова! о моя голова! Прис. пов. Бернштейнъ: „Моя голова! Моя голова!—это говоритъ каждый, кто очень занятъ. Вчера, напр., я тоже говорилъ—моя голова! моя голова!"

Присяжный засѣдатель г-нъ Бергманъ заявляетъ: „профессоръ Прейеръ сказалъ свидѣтельницѣ, что онъ, на основаніи ея подписи на документѣ, пришелъ къ заключенію, что она находилась подъ гипнотическимъ вліяніемъ. До сихъ поръ не констатированъ еще фактъ подписанія свидѣтельницей одного изъ брачныхъ свидѣтельствъ. Послѣднія циркулировали между присяжными засѣдателями, но мы не видѣли на нихъ какой либо подписи свидѣтельницы". Предсѣдатель: „Можетъ быть г. экспертъ имѣлъ въ виду подпись на документѣ, который исчезъ?" Прис. пов. Бернштейнъ: „Но вѣдь документъ этотъ вовсе не существуетъ;

слѣдовательно, г-нъ профессоръ не могъ видѣть никакой подписи *).

Д-ръ Прейеръ: „Я повторяю, что изъ разсмотрѣнія „подписи" на брачномъ свидѣтельствѣ, видѣнномъ мною здѣсь, я убѣдился въ нахожденіи подписавшагося лица подъ какимъ то вліяніемъ. На вопросъ, можно-ли въ каждомъ случаѣ отличить мужской почеркъ отъ женскаго, слѣдуетъ отвѣтить безусловно отрицательно. Это подтвердятъ всѣ эксперты. Говоря, что здѣсь фамилія Рудольфъ написана въ несвободномъ состояніи, я остаюсь при своемъ мнѣніи. Вѣдь я не могу знать, кто расписался съ именемъ. Но я вѣрю въ возможность того, что свидѣтельница сама сдѣлала это. Въ данномъ случаѣ многое совершалось въ несвободномъ состояніи и, по моему, это не мѣняетъ обстоятельствъ дѣла, сомнѣвался-ли я лично при разсмотрѣніи почерка въ опредѣленіи характера послѣдняго. Это сомнѣніе для дѣла не имѣетъ никакого значенія; но, само по себѣ, оно заслуживаетъ оправданія. Въ данномъ случаѣ въ этомъ залѣ не имѣютъ мѣста ни заблужденія, ни какія либо старанія повліять на кого-бы-то ни было, и если подсудимый

*) Для лучшаго пониманія послѣдующихъ преній надо замѣтить, что названная экспертомъ „подпись" г-жи Рудольфъ, собственно говоря, не есть подпись въ прямомъ смыслѣ этого слова, а только лишь внесеніе фамиліи Рудольфъ въ найденное у подсудимаго брачное свидѣтельство, въ которое, равнымъ образомъ, внесена фамилія второго свидѣтеля г. Мерка, подѣлывавъ подъ его подпись. Документъ, составленный Вартальскимъ-Вертманомъ въ доказательство совершившагося вѣнчанія, съ подлинными подписями „брачущихся", а также обоихъ свидѣтелей, исчезъ, т. е., судя по нижеслѣдующимъ показаніямъ Вартальскаго, послѣдній разорвалъ его сейчасъ-же послѣ вѣнчанія.

утверждаетъ, что свидѣтельница находится подъ гипнотическимъ вліяніемъ эксперта, то это совершенно голословно. Я вовсе не вижу необходимости долго оставаливаться на этомъ". Пр. пов. Бернштейнъ: „Профессоръ говоритъ, что это его личное мнѣніе, и что не слѣдуетъ долго останавливаться на этомъ. Въ брачномъ свидѣтельствѣ фамилія Рудольфъ написана въ томъ же настроеніи, въ какомъ и весь документъ. Если профессоръ такъ компетентенъ въ этомъ дѣлѣ, то какимъ образомъ онъ пришелъ къ заключенію, что именно подпись была внесена подъ гипнотическимъ вліяніемъ? Если же онъ такъ компетентенъ въ этомъ дѣлѣ, если такая компетенція вообще возможна, то почему же онъ не скажетъ, кто именно написалъ это свидѣтельство?" Экспертъ д-ръ Гиртъ: „Совѣсть моя заставляетъ меня заявить, что я совершенно исключаю возможность гипнотическаго вліянія на г-жу Рудольфъ. Я полагаю, что она подписалась недобровольно въ томъ смыслѣ, что была подавлена разными событіями—она ужасно жалѣла баронессу. Я долженъ заявить на честь и совѣсть, что я даже въ отдаленной степени не вѣрю въ оказаніе гипнотическаго вліянія на г-жу Рудольфъ". Прис. пов. Бернштейнъ: „Послѣ этого я отказываюсь отъ дальнѣйшихъ вопросовъ".

При смѣхѣ публики въ залъ засѣданій входитъ мнимый пасторъ свидѣтель Вартальскій. Внѣшность свидѣтеля только усиливаетъ этотъ смѣхъ: черты лица его характеризуютъ восточный типъ, съ некрасивыми толстыми губами. Такъ какъ свидѣтель за совершеніе фиктивнаго вѣнчанія находится подъ слѣдствіемъ австрійскаго суда, то его допрашиваютъ безъ присяги. Онъ заявляетъ, что

происходитъ изъ очень знатной семьи, но такъ какъ необходимые документы его не при немъ, то подтверждаетъ лишь свое дворянское происхожденіе. Онъ римско-католическаго вѣроисповѣданія, 55 лѣтъ отъ роду, имѣетъ винную торговлю въ Вѣнѣ и состоитъ яко-бы представителемъ Богемской акціонерной компаніи „Лафермъ".—Прокуроръ ходатайствовалъ по телеграфу передъ австрійскимъ судомъ объ отложеніи слушаніемъ дѣла Варталь-скаго. Ходатайство было удовлетворено и послѣдній препровожденъ въ Мюнхенъ для явки въ судъ. Онъ показываетъ: „Лѣтъ 7 или 8 тому назадъ я познакомился съ Чинскимъ въ Краковѣ, гдѣ я путемъ протекціи устроилъ ему мѣсто учителя французскаго языка при мѣстной гимназіи. Года 4 тому назадъ я вновь встрѣтился съ нимъ въ Варшавѣ, гдѣ онъ читалъ рефераты о гипнотизмѣ. Съ тѣхъ поръ я уже больше не видѣлъ его, пока не получилъ отъ него въ концѣ января изъ Вѣны письма, въ которомъ онъ приглашалъ меня въ Café Central для переговоровъ. Онъ разсказалъ мнѣ, что онъ устроилъ въ Дрезденѣ свою клинику. Тамъ, дескать, онъ познакомился съ дамой, на которой онъ хотѣлъ жениться. Зная, что онъ уже женатъ, я спросилъ его, какъ обстоитъ дѣло съ первымъ бракомъ. Тогда онъ мнѣ показалъ бракоразводное свидѣтельство *), но такъ какъ онъ, будучи католикомъ, не можетъ жениться, то онъ приметъ протестанство. Онъ просилъ меня совершить обрядъ вѣнчанія. Я сейчасъ увидѣлъ, что дѣло идетъ только о фиктивномъ вѣнчаніи. Чинскій увѣрялъ меня, что онъ женится не изъ за денегъ, а по искренней

*) Очевидно тоже подложное. Прим. перев.

любви. Я далъ свое согласіе подъ условіемъ, чтобы никто отъ этого не пострадалъ и никто ничего бы не узналъ. Чинскій мнѣ говорилъ, что онъ устраиваетъ эту комедію лишь для того, чтобы реабилитировать передъ свѣтомъ эту даму, по происхожденію баронессу, которая до сихъ поръ находилась съ нимъ во внѣбрачномъ сожитіи, а что его бракъ расторженъ лишь путемъ разъѣзда съ женой. Какъ только совершится фиктивное вѣнчаніе, онъ разведется совершенно, а послѣ этого дѣйствительно женится на баронессѣ, которая будто-бы согласна на это. Мы условились встрѣтиться передъ вѣнчаніемъ въ Зальцбургѣ и вмѣстѣ поѣхать въ Мюнхенъ.

„6 февраля я отправилъ Чинскому телеграмму, а 7-го мы, согласно уговору, встрѣтились въ Зальцбургѣ и поѣхали въ Мюнхенъ. Здѣсь я переночевалъ въ „Kaiser-Hof" и 8 февраля въ 11 час. утра пришелъ въ гостинницу „Europäischer Hof". Здѣсь онъ представилъ меня баронессѣ подъ фамилией доктора Вертемана. Г-жа Рудольфъ, узнавъ, что состоится вѣнчаніе, начала причитывать и протестовать противъ этого; но баронесса ее успокоила. Послѣ полдня состоялось вѣнчаніе; я былъ при этомъ въ одѣяніи протестантскаго священника, которое я взялъ съ собой изъ Вѣны изъ маскарадного гардероба".

Свидѣтель описываетъ потомъ церемонію вѣнчанія. „Послѣ вѣнчанія я составилъ протоколъ, который подписали брачущіеся, свидѣтели, и я самъ приложилъ потомъ привезенную мною изъ Вѣны резиновую печать и взялъ протоколъ съ собой. Во время завтрака я произнесъ тостъ за здравіе герцога и герцогини. Вечеромъ я опять уѣхалъ въ Вѣну. На расходы я получилъ 100 флориновъ.

Послѣ завтрака я ушелъ и разорвалъ составленный при вѣнчаніи протоколъ. Въ гостиниинѣ Kaiserhof я изготовилъ два брачныхъ свидѣтельства (печатные бланки), которые здѣсь лежатъ предомной. *Возможно, что послѣдняя рубрика 2-го брачнаго свидѣтельства заполнена не мною, а другимъ лицомъ.* Баронесса Цедлицъ: „Вартальскій послѣ вѣнчанія сказалъ мнѣ, что онъ незадолго передъ тѣмъ обвѣнчалъ такимъ же путемъ нѣкоего князя Лобковича". Свидѣтель возражаетъ противъ этого самымъ рѣшительнымъ образомъ. Подсудимый утверждаетъ, что онъ просилъ занести это въ протоколъ дознанія.

Послѣ этого прокуроръ Малеръ дѣлаетъ слѣдующее заявленіе: „Я читалъ слѣдственные акты только въ серединѣ августа—по возвращеніи моемъ изъ отпуска; въ то время подсудимый возбудилъ ходатайства, которыя уже съ внѣшней стороны носили характеръ лжи. Несмотря на это, все таки производились розыски; лица, о допросѣ которыхъ просилъ Чинскій, жили въ такой отдаленности, что при такихъ условіяхъ оказалось бы совершенно невозможнымъ заслушать это дѣло въ настоящемъ засѣданіи; несмотря на это, я повсюду разослалъ запросы въ подлежащія учрежденія въ Вѣнѣ, въ полицейское управленіе и, чрезъ послѣднее, въ австрійское министерство, не извѣстно ли имъ что нибудь о выдающемся общественномъ положеніи Чинскаго—вѣдь свидѣтели, на которыхъ онъ ссылался, были все князья! Далѣе—дѣйствительно ли министерство назначило ему высокую награду въ случаѣ исполненія имъ порученной ему австрійскимъ правительствомъ миссіи;—наконецъ, находятся ли въ депозитѣ австрійскаго банка 146 тысячъ флориновъ,

предназначенные для него. Оттуда мнѣ отвѣчали, что объ этомъ не имѣется никакихъ свѣдѣній. Я переговорилъ объ этомъ съ господиномъ защитникомъ, раздѣлявшимъ мое мнѣніе, что дальнѣйшее откладываніе судебнаго разбирательства отнюдь не въ интересахъ подсудимаго. Все это я сказалъ только потому, что обвиняемый постоянно прерываетъ меня и очень возмущается тѣмъ, что онъ такъ долго содержится въ предварительномъ заключеніи". Присп. Бернштейнъ подтверждаетъ слова прокурора: „Я самъ только 21 августа могъ обозрѣть дѣло; до этого времени подсудимый не воспользовался этимъ своимъ правомъ. Я посовѣтовалъ ему не возбуждать новыхъ ходатайствъ, дабы не затягивать предварительнаго слѣдствія; послѣ этого онъ выразилъ желаніе немедленно назначить дѣло къ слушанію. Но, все-таки, не слѣдуетъ упрекать подсудимаго во лжи по поводу сдѣланнаго имъ сегодня заявленія".

Далѣе свидѣтелю Вартальскому предъявляются два письма отъ 12 и 13 февраля, адресованныя послѣднимъ на имя Чинскаго и подписанныя „Угронъ". Въ письмѣ отъ 12 фев. авторъ сообщаетъ, что онъ увѣдомилъ Его Превосходительство (Кальноки) о свадьбѣ Чинскаго съ баронессой, и что Его Превосходительство выражалъ свое удовольствіе по поводу этого брака, и что онъ будетъ очень радъ видѣть Чинскаго у себя въ случаѣ пріѣзда его въ Вѣну, а также познакомиться съ его супругой. Въ письмѣ отъ 13 февраля, которое Чинскій показывалъ баронессѣ, авторъ совѣтуетъ ему не упоминать о томъ, что его бракъ еще не расторгнутъ окончательно, а также свадьбу держать въ тайнѣ.

Вслѣдъ за тѣмъ прочитываются показанія Вьецинской, допрошенной 18 мая въ Дрезденѣ черезъ комиссара, такъ какъ мѣстожительство ея неизвѣстно. Она показала подъ присягой: „Меня зовутъ Юстиной Маргеръ, разведенная Вьецинская, урожденная Верни, 28 лѣтъ. Я жила съ Чинскимъ въ теченіе 4-хъ лѣтъ въ качествѣ экономки и служила ему медіумомъ. Мы жили какъ мужъ и жена и 2-го февраля 1893 года я родила ему сына. Чинскій никогда не выдавалъ меня за свою жену, но меня часто считали таковою. Въ ноябрѣ 1893 года онъ побудилъ меня уйти отъ него подъ предлогомъ возвращенія къ нему жены, которая могла причинить мнѣ непріятности. О своемъ намѣреніи жениться на баронессѣ Цедлицъ онъ ничего не говорилъ мнѣ. Онъ далъ мнѣ тогда 300 марокъ, съ которыми я поѣхала въ Краковъ. Не получая долгое время денегъ, я въ февралѣ мѣсяцѣ текущ. года пріѣхала въ Дрезденъ, чтобы напомнить подсудимому объ его обязанностяхъ. Только здѣсь я узнала о бракѣ его съ баронессой. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ прошлаго года я нѣсколько разъ была въ Лугѣ для участія въ пользованіи баронессы и какого-то старика; первая приходила въ квартиру Чинскаго отъ 2 до 3 разъ въ недѣлю. Я въ то время не замѣчала, что между ними развиваются любовныя отношенія; положимъ, я не всегда присутствовала при ихъ встрѣчахъ. Въ разговорахъ своихъ они касались только леченія. Еще менѣе мнѣ бросалось въ глаза, что баронесса приходила къ Чинскому безъ всякой надобности. Впослѣдствіи я обратила вниманіе на полученіе имъ многочисленныхъ писемъ изъ Луги; въ одномъ изъ нихъ, между прочимъ, я прочла слова „люблю тебя“;

когда я попросила разъясненія по поводу этого выраженія, то онъ мнѣ возразилъ: „это тебя не касается; если тебѣ не нравится у меня, то можешь уйти".

Прочитываются также показанія доктора Дока, владѣльца лечебницы Аувдервальдъ при Санъ-Галленѣ. Содержаніе ихъ слѣдующее: „Баронесса фонъ-Цедлицъ уже нѣсколько разъ лечилась у меня; она страдала желудкомъ и нервной болѣзнью. Пріѣхала она въ январѣ мѣсяцѣ прошлаго года и уѣхала опять 6 февраля; Чинскій пріѣхалъ 29 января и остался до 6 февраля. Баронесса хотѣла было нанять 3 комнаты, говоря, что къ ней пріѣдетъ ея женихъ, но я долженъ былъ отказать ей въ этомъ. Чинскій очень скоро произвелъ на меня неблагопріятное впечатлѣніе и г-жа Рудольфъ, а также и мы съ сестрой, предостерегали ее; я даже предлагалъ ей свои услуги пріѣхать въ Мюнхенъ на помощь, такъ какъ я предвидѣлъ возможность фиктивнаго вѣнчанія. Чинскій поѣхалъ въ Вѣну до отъѣзда баронессы и говорилъ послѣдней передъ отъѣздомъ: „Милое дитя мое, если мы опять уѣдемъ въ Дрезденъ, то женщины тамъ опять подвергнутся моему старому обаянію и поэтому весьма возможно, что я начну колебаться; поэтому я предлагаю обвѣнчаться по возможности скорѣе". На мои предостереженія баронесса возражала, что она выходитъ замужъ за Чинскаго, чтобы вырвать его изъ рукъ его медіума. Характеръ баронессы благородный, глубоко религіозный. Она страдаетъ общей неврастеніей, осложненной хронически-нервозной диспепсіей".

Прочитываются, согласно опредѣленію суда, показанія пастора д-ра Іоанна Партиша, со-

качествѣ домашняго учителя французскаго языка въ Краковѣ, гдѣ онъ, анонсами и брошюрами рекламировалъ изобрѣтенный будто бы имъ методъ лѣченія посредствомъ магнетизма и гипнотизма. Въ это время онъ бросилъ свою жену и вступилъ въ сожительство съ нѣкоей Юстиной Маргеръ, разведенной Вьецинской, отъ которой имѣлъ ребенка. Лѣтомъ 1892 года онъ отправился съ нею въ Познань и читалъ тамъ, а также въ другихъ городахъ провинціи, рефераты о гипнотизмѣ, оккультизмѣ и другихъ родственныхъ имъ наукахъ; при этомъ онъ, повидимому, съ большимъ трудомъ добывалъ себѣ средства къ существованію и перебивался при содѣйствіи постороннихъ лицъ, прислуги, торговцевъ мебелью и т. д. Во время своихъ рефератовъ, Чинскій экспериментировалъ частью надъ собой, частью, какъ это обыкновенно дѣлается, надъ лицами изъ публики, которыхъ онъ приводилъ въ состояніе гипнотическаго сна. Онъ утверждалъ также, что при помощи гипнотизма онъ можетъ помочь безнадежнымъ больнымъ. Онъ старался составить себѣ рекламу сеансами въ пользу благотворительныхъ обществъ, но такъ какъ при этомъ почти всю выручку онъ присваивалъ себѣ, то въ мартѣ 1893 года онъ былъ высланъ изъ Пруссіи въ административномъ порядкѣ (мѣрами полиціи). Послѣ этого онъ перенесъ поле своей дѣятельности въ Саксонію, гдѣ, въ теченіе апрѣля мѣсяца того же года, онъ продолжалъ свои рефераты въ Дрезденѣ, съ тѣмъ лишь ограниченіемъ, что мѣстная полиція запретила ему гипнотическіе опыты. И тамъ онъ рекомендовалъ гипнотизмъ какъ средство противъ всевозможныхъ болѣзней; говорятъ, что онъ даже занимался хиромантіей.

держащагося въ Ольденбургской тюрьмѣ за подлогъ и растрату, въ которыхъ онъ говоритъ, что совершенно не знаетъ ни Чинскаго, ни Вартальскаго; что въ моментъ вѣнчанія онъ находился въ Ольденбургѣ, и что ему по этому дѣлу вообще ничего не извѣстно.

Проф. Гиртъ вновь ходатайствуемъ о позволеніи ему задать баронессѣ нѣсколько вопросовъ при закрытыхъ дверяхъ. Судъ удовлетворяетъ это ходатайство и совершенно исключаетъ публичность до момсита провозглашенія приговора.

Послѣдовалъ вторичный допросъ свидѣтельницы баронессы фонъ-Цедлицъ въ присутствіи подсудимаго. Она видимо взволнована, но тѣмъ не менѣе довольно подробно отвѣчаетъ проф. Гирту на вопросы, касающіеся преступныхъ дѣйствій подсудимаго по первому пункту обвиненія, и повторяетъ, какъ уже было сказано выше, что она во время сеансовъ не находилась въ сонномъ состояніи. По окончаніи допроса свидѣтельница была крайне взволнована и со слезами на глазахъ сказала подсудимому: „Я прощаю Вамъ!"

Затѣмъ было приступлено къ прочтенію корреспонденціи между Чинскимъ и баронессой. Изъ его писемъ остались лишь немногія, т. к. остальныя были сожжены баронессой. Встрѣчающіяся въ нихъ выраженія „Пунаръ-Бгава" (т. е. душа, которую спасаетъ другая) и „Ўтсарпини" (т. е. душа, которая, вернувшись на землю, спасаетъ другую) имѣютъ, какъ Чинскій доказывалъ на основаніи своихъ брошюръ, извѣстное значеніе въ оккультизмѣ. О занятіяхъ ея спиритизмомъ свидѣтельствуетъ частое упоминаніе о какихъ то „Bon roi Louis" (король Людвигъ II) и объ умершей подругѣ ея „Мелитѣ".

Она была убѣждена въ томъ, что находится съ послѣдней въ непосредственномъ общеніи, между тѣмъ какъ Чинскій утверждаетъ, что таковое имѣетъ мѣсто между нимъ и „добрымъ королемъ". Какъ видно изъ ея писемъ, запахъ духовъ, связанный съ появленіемъ ея подруги Мелиты, играетъ у нея и впослѣдствіи большую роль.

Какъ-то разъ ночью она будто бы услышала въ своей комнатѣ звукъ, похожій на выстрѣлъ, о чемъ она сообщаетъ Чинскому въ одномъ изъ своихъ писемъ, и старается объяснить это явленіе спиритическимъ путемъ. Баронесса подтверждаетъ, что она познакомилась со спиритизмомъ чрезъ посредство своего отца, а отнюдь не подсудимаго, который недостоинъ того, чтобы быть спиритуалистомъ.

Далѣе она говоритъ: „мы съ компаньонкою впослѣдствіи уже сами изучали спиритизмъ, т. е. спиритуализмъ (свидѣтельница заявляетъ энергично, что она не спиритка, а спиритуалистка). Я также написала статью въ одномъ изъ журналовъ, трактующую о берлинскомъ спиритуалистическомъ сеансѣ. Прежде я часто посѣщала домъ спирита, пользующагося всемірной извѣстностью, но въ послѣднее время прекратила это знакомство, узнавъ, что въ домѣ послѣдняго, на ряду съ добрыми, появились также и злые духи, которые будто бы били хозяйку дома. На вопросъ со стороны экспертовъ, баронесса заявляетъ, что она потому такъ подчеркиваетъ разницу между спиритизмомъ и спиритуализмомъ, что, по ея мнѣнію, при спиритическихъ сеансахъ участники часто дѣлаются жертвою обмана.

Наконецъ, приступили къ чтенію документовъ, актовъ, многочисленныхъ иностранныхъ газетъ, со-

державшихъ статьи подсудимаго и ярко свидѣтельствовавшихъ о его полномъ тревогъ, цыганскомъ образѣ жизни. Прочитывается письмо, адресованное на его имя проф. Шарко, заключающее въ себѣ отвѣтъ на предложеніе Чинскаго посвятить ему свою брошюру: „о гипнотизмѣ и его лечебныхъ свойствахъ". Въ своемъ отвѣтѣ, который Чинскій, очевидно въ цѣляхъ рекламы, напечаталъ въ предисловіи брошюры, Шарко отклоняетъ такое посвященіе.

Ярко характеризуютъ подсудимаго прочитанныя тутъ же письма его, написанныя имъ передъ попыткой къ самоубійству. Въ нихъ заключается просьба одѣть его послѣ смерти въ черное платье и положить ему на сердце фотографію баронессы Ядвиги. Шубу свою онъ отказалъ Вьецинской „чтобы покинутая могла купить хлѣба для своего ребенка". Далѣе сказано, чтобы она (Вьецинская) обратилась 18 іюля 1898 года въ австрійское посольство въ Лондонѣ. Здѣсь ей передадутъ пакетъ, „запечатанный герцогскимъ гербомъ Святополковъ". Въ этомъ пакетѣ она найдетъ доказательства княжескаго происхожденія своего ребенка и другіе важные документы.

По предложенію прокурора прочитывается письмо брата подсудимаго, адресованное на имя послѣдняго. Въ этомъ письмѣ, между прочимъ, сказано: „подумай о томъ, о чемъ мы говорили съ тобой; на всякій случай постарайся добиться вѣрнаго собственнаго обезпеченія. Поэтому попытайся подвести подъ свою жизнь крѣпкій фундаментъ, чтобы не начинать снова жизнь человѣка завтрашняго дня. Куй желѣзо, пока горячо. Дорогу ты уже самъ найдешь, ибо ее тебѣ покажетъ *твой*

умъ и искусство. Можетъ быть, какое-либо третье лицо въ данномъ случаѣ могло бы оказать тебѣ какія-либо услуги, но откуда взять его? Нельзя ли повліять на твою „пани“ письмами, чтобы она по собственной иниціативѣ отказала все въ твою пользу. Подумай, что она можетъ умереть каждую минуту!—Сообщи мнѣ, *какъ ты устроишь вѣнчаніе безъ вѣнчанія?* Какъ ты поступилъ съ подругой твоей пани и какимъ способомъ ты ей зажалъ ротъ? Я боюсь, какъ бы тебя не поймали до достиженія цѣли“.

4-й день процесса.

Въ засѣданіи 20 декабря, по прочтеніи актовъ и документовъ, выслушивается заключеніе экспертовъ, что отнимаетъ время отъ 9 часовъ утра до 6 часовъ вечера. Сперва говоритъ старшій медицинскій совѣтникъ профессоръ д-ръ Грашей, потомъ профессоръ Гиртъ, д-ръ баронъ фонъ Шренкъ-Нотцингъ и, наконецъ, надворный совѣтникъ профессоръ д-ръ Прейеръ. Главный предметъ экспертизы составляетъ вопросъ о преступленіи противъ нравственности. Прокуроръ Малеръ обосновалъ свое обвиненіе на допросѣ и заключеніи экспертовъ Грашея, Шренка и Прейера и, отчасти, на мнѣніи доктора Гирта, согласившагося съ тѣмъ фактомъ, что гипнозъ имѣлъ мѣсто.

Дальше прокуроръ говоритъ: „цѣлымъ рядомъ свидѣтельскихъ показаній установлено, что подсудимый внушилъ баронессѣ любовь въ состояніи полусна, послѣ того какъ она проявила лишь интересъ къ его врачебной и оккультистической дѣятельности, не проявивъ, однако, особаго интереса къ его особѣ. Ходъ мыслей, который повелъ къ интимнѣйшимъ отношеніямъ, возникъ, какъ доказано, въ состояніи гипноза, и это уже равносильно злоупотребленію оказаннымъ ему, какъ врачу, до-

вѣріемъ. Законъ различаетъ *безсольность* и *безсознательность* и разсматриваетъ первое, какъ искусственное ограниченіе воли. Въ такомъ состояніи баронесса отдалась Чинскому".

Затѣмъ прокуроръ даетъ характеристику подсудимаго какъ эгоиста, шарлатана и любителя приключеній, не останавливающагося даже передъ преступными средствами для достиженія своихъ эгоистическихъ цѣлей. Поэтому онъ безусловно совершилъ два преступленія, одно противъ § 132, подстрекнувъ Вартальскаго къ совершенію обряда фиктивнаго вѣнчанія, а 2-ое—предъявивъ завѣдомо подложное брачное свидѣтельство брату баронессы.

Прокуроръ энергично возражаетъ противъ утвержденія, что явленія гипнотизма еще не настолько изучены, чтобы служить предметомъ судебныхъ соображеній, и указываетъ при этомъ, въ качествѣ примѣра, на яды, дѣйствіе которыхъ часто дѣлается предметомъ судебнаго разбирательства, но составъ которыхъ научно надлежаще еще на изслѣдованъ.

Защитникъ Бернштейнъ въ послѣднемъ словѣ своемъ выражаетъ сожалѣніе, что противъ Чинскаго возбуждено уголовное преслѣдованіе, вмѣсто того чтобы послать его въ Америку. Для использованія въ уголовномъ процессѣ, гипнотизмъ представляетъ еще слишкомъ спорную область. Онъ могъ бы представить суду разнообразные отзывы по вопросу о дѣйствительности гипнотическаго внушенія. Потомъ онъ прочелъ выдержку изъ сочиненія Гельмгольца, (который, однако, заявилъ, что никогда подробно не занимался этимъ предметомъ), относящагося совершенно отрицательно къ гипнотизму.

Далѣе онъ указалъ на противорѣчіе въ мнѣніяхъ и выраженіяхъ экспертовъ, и просилъ присяжныхъ засѣдателей стоять въ данномъ случаѣ на стражѣ закона и преградить шаткой теоріи о внушеніи доступъ въ залъ суда. Онъ продолжаетъ: „я вовсе не хочу спорить съ прокуроромъ относительно характера подсудимаго, а также отрицать факты, составляющіе основаніе обвиненія по § 132 за употребленіе завѣдомо ложнаго документа. Противъ этихъ двухъ обвиненій я могу только противопоставить моменты юридическаго характера. Имперскій судъ въ 10 томѣ своихъ рѣшеній ясно и опредѣленно разъяснилъ, что узурпація церковныхъ должностей, какъ напримѣръ, священника, который совершаетъ обрядъ вѣнчанія, не является наказуемой. Осужденіе подсудимаго по этому пункту, противорѣчило бы поэтому толкованію § 132. Чинскій, рѣшительно отказываясь въ теченіе 3-хъ часовъ предъявить подложное брачное свидѣтельство, не можетъ быть признанъ виновнымъ въ покушеніи на пріобрѣтеніе какихъ либо имущественныхъ выгодъ посредствомъ этого документа. Поэтому я прошу оправдать его по этому пункту по юридическимъ основаніямъ, и полагаю, что это вынужденное противозаконное дѣйствіе Чинскаго уже достаточно наказано 10-мѣсячнымъ предварительнымъ заключеніемъ, нарушеніе же моральныхъ законовъ еще не составляетъ уголовнаго преступленія.

Послѣ этого предсѣдатель разъясняетъ присяжнымъ засѣдателямъ законы. Онъ между прочимъ обращаетъ ихъ вниманіе на то, что до сихъ поръ въ нѣмецкихъ судахъ еще не разбиралось ни одного такого случая, и что поэтому положительный отвѣтъ

на 1-ый пунктъ обвиненія создастъ прецедентъ. Онъ указалъ имъ на возможность изъяна въ законѣ, если законодатель не подвелъ эти случаи ограниченія воли подъ понятіе безвольнаго состоянія (въ нѣмецкомъ сводѣ уголовныхъ законовъ),— но если предположить, что вмѣсто собственной воли дѣйствуетъ чужая воля, то это затрудненіе отпадаетъ.

Въ 10¾ час. вечера присяжные засѣдатели удалились для совѣщанія. Въ 11½ час. ночи старшина ихъ, г. Бергманъ, объявилъ вердиктъ присяжныхъ засѣдателей, гласящій слѣдующее:

Вопросъ 1-ый, виновенъ ли Чинскій въ преступленіи противъ нравственности по 2-му пункту § 176? Отвѣтъ: Нѣтъ, не виновенъ. Вопросъ 2-ой объ уменьшающихъ вину обстоятельствахъ отпадаетъ.

Вопросъ 3-ій, виновенъ ли Чинскій въ подстрекательствѣ къ проступку противъ порядка управленія (узурпація правительственной должности) по § 132? Отвѣтъ: да, виновенъ.

Вопросъ 4-ый, виновенъ ли Чинскій въ пользованіи завѣдомо подложнымъ оффиціальнымъ документомъ иностраннаго происхожденія, что предусмотрѣно § 267 и 2-ымъ пунктомъ § 268? Отвѣтъ да, виновенъ.

Вопросъ 5-ый, заслуживаетъ ли подсудимый снисхожденія. Отвѣтъ: да, заслуживаетъ.

Послѣ этого прокуроръ Малеръ предлагаетъ подвергнуть подсудимаго тюремному заключенію на 3 года. Послѣ 20 минутнаго совѣщанія, въ 12 ч. ночи, судъ, на основаніи вердикта присяжныхъ засѣдателей, выноситъ подсудимому слѣдующій приговоръ: подсудимый Чеславъ Чинскій приговаривается къ тюремному заключенію на 3 года съ

зачетомъ шести мѣсяцевъ предварительнаго заключенія, и къ лишенію чести на 5 лѣтъ. За подстрекательство—на 10 мѣсяцевъ и за преступленіе—на 2 года 6 мѣсяцевъ, а по совокупности—на 3 года тюрьмы и на 5 лѣтъ потери чести. Въ преступленіи противъ нравственности считать Чинскаго по суду оправданнымъ, возложивъ на казну издержки производства.

При обсужденіи вопроса о мѣрѣ наказанія было принято во вниманіе, что подсудимый является личностью, опасною для общества. Увеличивающими вину обстоятельствами признаны: 1) свойство присвоенной должности (духовное званіе) и 2) обнаруженная подсудимымъ при совершеніи преступленія низость его образа мыслей.

Русскія изданія по Теософіи.

Задачи Теософіи, Альба, **25** к.

Свѣтъ на Пути и Карма, изд. „Посредника", **30** к.

Сокровенная религіозная философія Индіи, брамана Чаттерджи, **70** к.

Вопросы Теософіи, сборникъ статей, **1** р. **50** к.

Теософія и Новая Психологія, А. Безантъ, **50** к.

Голосъ Безмолвія, Е. П. Блаватской, **35** к.

Вѣстникъ Теософіи, ежемѣсячный журналъ, **4** р. въ годъ.

ПЕЧАТАЕТСЯ:

Исторія года, М. Коллинзъ.

РЕКОМЕНДУЮТСЯ:

Письма о духовной жизни, епископа Ѳеофана, **60** к.

Архіерей, о. Тихона, **75** к.

Здѣсь, именно, и начинается его „гипнотическій романъ“.

По газетнымъ объявленіямъ къ Чинскому пришла для пользованія его леченіемъ 38-лѣтняя, богатая, безупречной репутаціи, строго религіозная дѣвушка баронесса Ядвига Цедлицъ; дама эта жаловалась на боли въ головѣ и желудкѣ. Чинскій лѣчилъ ее наложеніемъ рукъ на эти части тѣла и прописывалъ ей различные медикаменты. Отношенія Чинскаго къ своей паціенткѣ въ теченіе октября и ноября мѣсяца сдѣлались весьма интимными и кончились обрученіемъ, которое, однако, держалось въ тайнѣ, такъ какъ Чинскій объявилъ, что это ему предписываютъ „соображенія политическаго характера“. Онъ разсказывалъ баронессѣ, что онъ послѣдній отпрыскъ княжеско-литовскаго рода и предупредилъ ее, что въ случаѣ гласнаго обрученія и свадьбы могли бы возникнуть политическія осложненія; кромѣ того, нѣкая дама изъ высшаго дрезденскаго общества, по отношенію къ которой онъ игралъ роль Іосифа Прекраснаго, могла бы ему мстить. Онъ выдавалъ себя также за послѣдняго потомка герцогской фамиліи, за князя Святополка и т. д. Обрученіе съ баронессой Цедлицъ заставило Чинскаго отдѣлаться отъ своей прежней сожительницы Вѣщинской подъ предлогомъ возвращенія его жены и предпринять нѣкоторые шаги для расторженія законнаго брака. Для облегченія развода, онъ перешелъ въ протестанство. Въ концѣ января 1894 года баронесса Цедлицъ отправилась въ Вайдъ въ Швейцарію, а Чинскій остановился въ Санъ-Галленѣ, откуда и были разосланы объявленія объ обрученіи. Вѣнчаніе же должно было состояться негласно въ Вѣнѣ, куда баронесса выѣхала 6 фе-

Цѣна 50 коп.